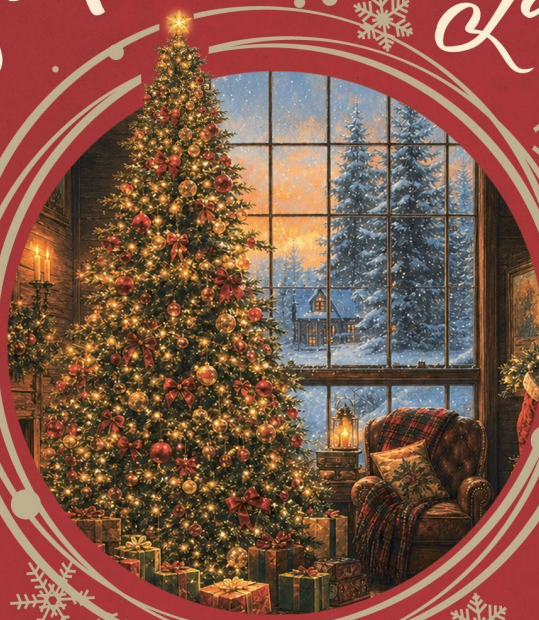
С Новым годом и Рождеством!



РАССКАЗЫ РУССКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ КЛАССИКОВ

Николай Васильевич Гоголь
Чарльз Диккенс
Аркадий Тимофеевич Аверченко
Леонид Николаевич Андреев
Лидия Алексеевна Чарская
Федор Михайлович Достоевский
Максим Горький
Антон Павлович Чехов
Ганс Христиан Андерсен
Аркадий Петрович Гайдар
Эрнст Теодор Амадей Гофман
Александр Иванович Куприн
Надежда Тэффи
Николай Семёнович Лесков

С Новым годом и Рождеством! Рассказы русских и зарубежных классиков

Серия «Праздник-Праздник»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74902366

С Новым годом и Рождеством! Рассказы русских и зарубежных классиков :
ISBN 978-5-17-193017-2

Аннотация

В этом сборнике, пожалуй, самые известные и самые любимые рассказы и повести, написанные зарубежными и русскими писателями в жанре святочного рассказа. «Щелкунчик и мышиный король» Э. Т. А. Гофмана и «Ночь перед Рождеством» Н. Гоголя, «Девочка со спичками» Г. Х. Андерсена и «Мальчик у Христа на ёлке» Ф. Достоевского, «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса и «Чук и Гек» А. Гайдара…

Сказки и истории об ожидании чуда в самую волшебную ночь.

Содержание

Зарубежная классика 7
Эрнст Теодор Амадей Гофман 7
Щелкунчик и мышиный король 7
Сочельник 7
Подарки 11
Любимец 15
Чудеса 19
Сражение 28
Болезнь 33
Сказка о крепком орехе 39
Продолжение сказки о крепком орехе 46
Конец сказки о крепком орехе 51
Дядя и племянник 59
Победа 63
Кукольное царство 71
Столица 77
Заключение 85
Ганс Христиан Андерсен 93
Девочка со спичками 93
Чарльз Диккенс 97
Рождественская песнь в прозе 97
Строфа I. Дух Марли 97
Строфа II. Первый дух 123

С Новым годом и Рождеством! Рассказы русских и зарубежных классиков

© Составление, оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

Зарубежная классика

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Щелкунчик и мышиный король

Перевод Александра Соколовского

Сочельник

Целый день двадцать четвертого декабря детям советника медицины Штальбаума было запрещено входить в гостиную, а также в соседнюю с нею комнату. С наступлением сумерек дети, Мари и Фриц, сидели в темном уголке детской и, по правде сказать, немного боялись окружавшей их темноты, так как в этот день в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц под величайшим секретом рассказал своей маленькой семилетней сестре, что уже с самого утра слышал он в запертых комнатах беготню, шум и тихие разговоры. Он видел также, как с наступлением сумерек туда потихоньку прокрался маленький закутанный человек с

ящиком в руках, но что он, впрочем, наверное знает, что это был их крестный Дроссельмейер.

Услышав это, маленькая Мари радостно захлопала ручонками и воскликнула:

– Ах, я думаю, что крестный подарит нам что-нибудь очень интересное.

Друг дома советник Дроссельмейер был очень некрасив собой; это был маленький, сухощавый старичок, с множеством морщин на лице; вместо правого глаза был у него налеплен большой черный пластырь; волос у крестного не было, и он носил маленький белый парик, удивительно хорошо сделанный. Но, несмотря на это, все очень любили крестного за то, что он был великий искусник, и не только умел чинить часы, но даже сам их делал. Когда какие-нибудь из прекрасных часов в доме Штальбаума ломались и не хотели идти, крестный приходил, снимал свой парик и желтый сюртук, надевал синий передник и начинал копаться в часах какими-то острыми палочками, так что маленькой Мари даже становилось их жалко. Но крестный знал, что вреда он часам не причинит, а наоборот, – и часы через некоторое время оживали и начинали опять весело ходить, бить и постукивать, так что все окружающие, глядя на них, только радовались. Крестный каждый раз, когда приходил в гости, непременно приносил в кармане какой-нибудь подарок детям: то куколку, которая кланялась и мигала глазками, то коробочку, из которой выскакивала птичка, – словом, что-

нибудь в этом роде. Но к Рождеству приготавливал он всегда какую-нибудь большую, особенно затейливую игрушку, над которой очень долго трудился, так что родители, показав ее детям, потом всегда бережно прятали ее в шкаф.

– Ах, как бы узнать, что смастерит нам на этот раз крестный? – повторила маленькая Мари.

Фриц уверял, что крестный, наверно, подарит в этот раз большую крепость с прекрасными солдатами, которые будут маршировать, обучаться, а потом придут неприятельские солдаты и захотят ее взять, но солдаты в крепости станут храбро защищаться и начнут громко стрелять из пушек.

– Нет, нет, – сказала Маша, – крестный обещал мне сделать большой сад с прудом, на котором будут плавать белые лебеди с золотыми ленточками на шейках и петь песенки, а потом придет к пруду маленькая девочка и станет кормить лебедей конфетами.

– Лебеди конфет не едят, – перебил Фриц, – да и как может крестный сделать целый сад? Да и какой толк нам от его игрушек, если у нас их сейчас же отбирают; то ли дело игрушки, которые дарят папа и мама! Они остаются у нас, и мы можем делать с ними, что хотим.

Тут дети начали рассуждать и придумывать, что бы могли подарить им сегодня. Мари говорила, что любимая ее кукла, мамзель Трудхен, стала с некоторого времени совсем неуклюжей, беспрестанно валится на пол, так что у нее теперь все лицо в противных отметинах, а о чистоте ее платья нечего

было и говорить; как ни выговаривала ей Мари, ничего не помогало. Зато Мари весело припомнила, что мама очень лукаво улыбнулась, когда Мари понравился маленький зонтик у ее подруги Гретхен. Фриц жаловался, что в конюшне его недостает хорошей гнедой лошади, да и вообще у него мало осталось кавалерии, что папе было очень хорошо известно.

Дети отлично понимали, что родители в это время расставляли купленные для них игрушки; знали и то, что сам младенец Христос весело смотрел в эту минуту с облаков на их елку и что нет праздника, который бы приносил детям столько радости, сколько Рождество. Тут вошла в комнату их старшая сестра Луиза и напомнила детям, которые все еще шушукались об ожидаемых подарках, что руку родителей, когда они что-нибудь им дарят, направляет сам Христос и что Он лучше знает, что может доставить им истинную радость и удовольствие, а потому умным детям не следует громко высказывать свои желания, а, напротив, терпеливо дожидаться приготовленных подарков. Маленькая Мари призадумалась над словами сестры, а Фриц не мог все-таки удержаться, чтобы не пробормотать: «А гнедого рысака да гусаров очень бы мне хотелось получить!»

Между тем совершенно стемнело. Мари и Фриц сидели, прижавшись друг к другу, и боялись вымолвить слово, им казалось, что будто над ними веют тихие крылья и издалека доносится прекрасная музыка. По стене скользнула яркая полоса света; дети знали, что это младенец Христос отлетел

на светлых облаках к другим счастливым детям. Вдруг зазвенел серебряный колокольчик: «Динь-динь-динь-динь!» Двери шумно распахнулись, и широкий поток света ворвался из гостиной в комнату, где были Мари и Фриц. Ахнув от восторга, остановились они на пороге, но тут родители подхватили их за руки и повели вперед со словами:

– Ну, детки, пойдемте смотреть, чем одарил вас младенец Христос!

Подарки

Обращаюсь к тебе, мой маленький читатель или слушатель – Фриц, Теодор, Эрнст, все равно, как бы тебя ни звали, – и прошу припомнить, с каким удовольствием останавливался ты перед рождественским столом, заваленным прекрасными подарками, – и тогда ты хорошо поймешь радость Мари и Фрица, когда они увидели подарки и ярко сиявшую елку! Мари только воскликнула:

– Ах, как хорошо! Как чудно!

А Фриц начал прыгать и скакать, как козленок. Должно быть, дети очень хорошо себя вели весь этот год, потому что еще ни разу не было им подарено так много прекрасных игрушек.

Золотые и серебряные яблочки, конфеты, обсахаренный миндаль и великое множество разных лакомств унизывали ветви стоявшей посередине елки. Но всего лучше и красивее

горели между ветвями маленькие свечи, точно разноцветные звездочки, и, казалось, приглашали детей скорее полакомиться висевшими на ней цветами и плодами. А какие прекрасные подарки были разложены под елкой – трудно и описать! Для Мари были приготовлены нарядные куколки, ящички с полным кукольным хозяйством, но больше всего ее обрадовало шелковое платьице с бантами из разноцветных лент, висевшее на одной из ветвей, так что Мари могла любоваться им со всех сторон.

– Ах, мое милое платьице! – в восторге воскликнула Маша. – Ведь оно точно мое? Ведь я его надену?

Фриц между тем уже успел трижды обскакать вокруг елки на своей новой лошади, которую он нашел привязанной к столу за поводья. Слезая, он потрепал ее по холке и сказал, что конь – лютый зверь, ну да ничего: уж он его вышколит! Потом он занялся эскадроном новых гусар в ярко-красных, с золотом мундирах, которые размахивали серебряными сабельками и сидели на таких чудесных белоснежных конях, что можно было подумать, что и кони были сделаны из чистого серебра.

Успокоившись немного, дети хотели взяться за рассматривание книжек с картинками, которые лежали тут же и где были нарисованы ярко раскрашенные люди и прекрасные цветы, а также милые играющие детки, так натурально изображенные, что казалось, они были живые и в самом деле играли и бегали. Но едва дети принялись за картинки, как

вдруг опять зазвенел колокольчик. Они знали, что это, значит, пришел черед подаркам крестного Дроссельмейера, и они с любопытством подбежали к стоявшему возле стены столу. Ширмы, закрывавшие стол, раздвинулись – и что же увидели дети! На свежем, зеленом, усеянном множеством цветов лугу стоял маленький замок с зеркальными окнами и золотыми башенками. Вдруг послышалась музыка, двери и окна замка отворились, и через них можно было увидеть, как множество маленьких кавалеров с перьями на шляпах и дам в платьях со шлейфами гуляли по залам. В центральном зале, ярко освещенном множеством маленьких свечек в серебряных канделябрах, танцевали дети в коротких камзольчиках и платьицах. Какой-то маленький господин, очень похожий на крестного Дроссельмейера, в зеленом плаще изумрудного цвета, беспрестанно выглядывал из окна замка и опять исчезал, выходил из дверей и снова прятался. Только ростом этот крестный был не больше папиного мизинца. Фриц, облокотясь на стол руками, долго рассматривал чудесный замок с танцующими фигурками, а потом сказал:

– Крестный, крестный! Позволь мне войти в этот замок!

Крестный объяснил ему, что этого никак нельзя, и он был прав, потому что глупенький Фриц не подумал, как же можно было ему войти в замок, который, со всеми его золотыми башенками, был гораздо ниже его ростом. Фриц это понял и замолчал.

Посмотрев еще некоторое время, как куколки гуляли и

танцевали в замке, как зеленый человечек все выглядывал в окошко и высовывался из дверей, Фриц сказал с нетерпением:

– Крестный, сделай, чтобы этот зеленый человечек выглянул из других дверей!

– Этого тоже нельзя, мой милый Фриц, – возразил крестный.

– Ну так вели ему, – продолжал Фриц, – гулять и танцевать с прочими, а не высовываться.

– И этого нельзя, – был ответ.

– Ну так пусть дети, которые танцуют, сойдут вниз; я хочу их рассмотреть поближе.

– Ничего этого нельзя, – ответил немного обиженный крестный, – в механизме все сделано раз и навсегда.

– Во-о-т как, – протяжно сказал Фриц. – Ну, если твои фигурки в замке умеют делать только одно и то же, так мне их не надо! Мои гусары лучше! Они умеют ездить вперед и назад, как я захочу, а не заперты в доме.

С этими словами Фриц в два прыжка очутился возле своего столика с подарками и мигом заставил свой эскадрон на серебряных лошадях скакать, стрелять, маршировать – словом, делать все, что только приходило ему в голову. Мари также потихоньку отошла от подарка крестного, потому что и ей, по правде сказать, немного наскучило смотреть, как куколки выделывали все одно и то же; она только не хотела показать этого так явно, как Фриц, чтобы не огорчить крестно-

го. Советник, видя это, не мог удержаться, чтобы не сказать родителям недовольным тоном:

– Такая замысловатая игрушка не для неразумных детей. Я заберу свой замок!

Но мать остановила крестного и просила показать ей искусный механизм, с помощью которого двигались куколки. Советник разобрал игрушку, с удовольствием все показал и собрал снова, после чего он опять повеселел и подарил детям еще несколько человечков с золотыми головками, ручками и ножками из вкусного, душистого пряничного теста. Фриц и Мари очень были им рады. Старшая сестра Луиза, по желанию матери, надела новое подаренное ей платье и стала в нем такой нарядной и хорошенькой, что и Мари, глядя на нее, захотелось непременно надеть свое, в котором, ей казалось, она будет еще лучше. Ей это охотно позволили.

Любимец

Мари никак не могла расстаться со своим столиком, находя на нем все время новые вещицы. А когда Фриц взял своих гусаров и стал делать под елкой парад, Маша увидела, что за гусарами скромно стоял маленький человечек-куколка, точно дожидаясь, когда очередь дойдет до него. Правда, он был не очень складный: невысокого роста, с большим животом, маленькими тонкими ножками и огромной головой. Но человечек был очень мило и со вкусом одет, что доказывало,

что он был умный и благовоспитанный молодой человек. На нем была лиловая гусарская курточка с множеством пуговок и шнурков, такие же рейтузы и высокие лакированные сапоги, точь-в-точь такие, как носят студенты и офицеры. Они так ловко сидели на его ногах, что казалось, были выточены вместе с ними. Только вот немножко нелепо выглядел при таком костюме прицепленный к спине деревянный плащ и надетая на голову шапчонка рудокопа. Но Мари знала, что крестный Дроссельмейер носил такой же плащ и такую же смешную шапочку, что вовсе не мешало ему быть милым и добрым крестным. Мари отметила про себя также то, что во всей прочей своей одежде крестный никогда не бывал одет так чисто и опрятно, как этот деревянный человечек. Рассмотрев его поближе, Мари сейчас же увидела, какое добродушие светилось на его лице, и не могла не полюбить его с первого взгляда. В его светлых зеленых глазах сияли приветливость и дружелюбие. Подбородок человечка окаймляла белая завитая борода из бумажной штопки, что делало еще милее улыбку его больших красных губ.

– Ах, – воскликнула Мари, – кому, милый папа, подарили вы этого хорошенького человечка, что стоит там за елкой?

– Это вам всем, милые дети, – отвечал папа, – и тебе, и Луизе, и Фрицу; он будет для всех вас щелкать орехи.

С этими словами папа взял человечка со стола, приподнял его деревянный плащ, и дети вдруг увидели, что человечек широко разинул рот, показав два ряда острых, белых зубов.

Мари положила ему в рот орех; человечек вдруг сделал – щелк! – и скорлупки упали на пол, а в руку Маши скатилось белое, вкусное ядрышко. Папа объяснил детям, что куколка эта зовется Щелкунчик. Мари была в восторге.

– Ну, Мари, – сказал папа, – так как Щелкунчик очень тебе понравился, то я дарю его тебе; береги его и защищай; хотя, впрочем, в его обязанность входит щелкать орехи и для Фрица с Луизой.

Мари тотчас же взяла Щелкунчика на руки и заставила его щелкать орехи, выбирая самые маленькие, чтобы у Щелкунчика не испортились зубы.

Луиза подсела к ней, и добрый Щелкунчик стал щелкать орехи для них обеих, что, кажется, ему самому доставляло большое удовольствие, если судить по улыбке, не сходившей с его губ.

Между тем Фриц, порядочно устав от верховой езды и обучения своих гусар, а также услыхав, как весело щелкались орехи, подбежал к сестрам и от всей души расхохотался, увидев маленькую уродливую фигуру Щелкунчика, который переходил из рук в руки и успевал щелкать орехи решительно для всех. Фриц стал выбирать самые большие орехи и так неосторожно заталкивал их Щелкунчику в рот, что вдруг раздалось – крак-крак! – и три белых зуба Щелкунчика упали на пол, да и челюсть, сломавшись, свесилась на одну сторону.

– Ах, мой бедный Щелкунчик! – заплакала Мари, отобрав

его у Фрица.

– Э, да какой он глупый! – закричал Фриц. – Хочет щелкать орехи, а у самого нет крепких зубов! На что же он годен? Давай его мне, я заставлю его щелкать, пока у него не выпадут последние зубы и не отвалится совсем подбородок!

– Нет, нет, оставь, – со слезами сказала Мари, – я тебе не дам моего милого Щелкунчика, посмотри, как он на меня жалобно смотрит и показывает свой больной ротик! Ты злой мальчик: ты бьешь своих лошадей и стреляешь в своих солдат.

– Потому что так надо, – возразил Фриц, – и ты в этом ничего не смыслишь; а Щелкунчика все-таки дай мне; его подарили нам обоим!

Тут Мари уже совсем горько расплакалась и поскорее завернула Щелкунчика в свой платок. В это время подошли их родители с крестным. Крестный, к величайшему горю Мари, вступился за Фрица, но папа сказал:

– Я поручил Щелкунчика беречь Мари, а так как он теперь болен и больше всего нуждается в ее заботах, то никто не имеет права его отнимать. А ты, Фриц, разве не знаешь, что раненых солдат никогда не оставляют в строю? Ты, как хороший военный, должен это понимать!

Фриц очень сконфузился и потихоньку, позабыв и Щелкунчика, и орехи, отошел на другой конец комнаты, где и занялся устройством ночлега для своих гусар, закончивших на сегодня службу. Мари между тем собрала выпавшие у

Щелкунчика зубы, подвязала его подбородок чистым белым платком, вынутым из своего кармана, и еще осторожнее, чем прежде, завернула бледного перепуганного человечка в теплое одеяло. Взяв его затем на руки, как маленького больного ребенка, она занялась рассматриванием картинок в новой книге, лежавшей тут же, между прочими подарками. Мари очень не понравилось, когда крестный стал смеяться над тем, что она так нянчится со своим уродцем. Вспомнив, что при первом взгляде на Щелкунчика ей показалось, что он очень похож на самого крестного Дроссельмейера, Мари не могла удержаться, чтобы не ответить ему на его насмешки:

– Как знать, крестный, был бы ты таким красивым, как Щелкунчик, если бы тебя пришлось даже одеть точно так, как его, в чистое платье и щегольские сапожки.

Родители громко засмеялись, а крестный, напротив, замолчал. Мари никак не могла понять, отчего у крестного вдруг так покраснел нос, но уж, верно, была какая-нибудь на то своя причина.

Чудеса

В одной из комнат квартиры советника медицины, как раз со стороны входа и налево, у широкой стены, стоял большой шкаф со стеклянными дверцами, в котором прятались игрушки, подаренные детям. Луиза была еще очень маленькой девочкой, когда ее папа заказал этот шкаф одному искусно-

му столяру, который вставил в него такие чистые стекла и вообще так хорошо все устроил, что стоявшие в шкафу вещи казались еще лучше, чем когда их держали в руках.

На верхней полке, до которой Фриц и Мари не могли дотянуться, стояли самые дорогие и красивые игрушки, сделанные крестным Дроссельмейером. На полке под ней были расставлены всякие книжки с картинками, а на две нижние Мари и Фриц могли ставить все, что хотели. На самой нижней Мари обычно устраивала комнатки для своих кукол, а на верхней Фриц расквартировывал своих солдат. Так и сегодня Фриц поставил наверх своих гусар, а Мари, отложив в сторону старую куклу Трудхен, устроила премиленькую комнатку для новой подаренной ей куколки и пришла сама к ней на новоселье. Комнатка была так мило меблирована, что я даже не знаю, был ли у тебя, моя маленькая читательница Мари (ведь ты знаешь, что маленькую Штальбаум звали также Мари), – итак, я не знаю, был ли даже у тебя такой прекрасный диванчик, такие прелестные стульчики, такой чайный столик, а главное, такая мягкая, чистая кроватка, на которой легла спать куколка Мари. Все это стояло в углу шкафа, стены которого были увешаны прекрасными картинками, и можно было себе представить, с каким удовольствием поселилась тут новая куколка, названная Мари Клерхен.

Между тем наступил поздний вечер; стрелка часов показывала двенадцатый; крестный Дроссельмейер давно ушел

домой, а дети все еще не могли расстаться со стеклянным шкафом, так что матери пришлось им напомнить, что пора идти спать.

– Правда, правда, – сказал Фриц, – надо дать покой моим гусарам, а то ведь ни один из этих бедняг не посмеет лечь, пока я тут, я это знаю хорошо.

С этими словами он ушел. Мари же упрашивала маму позволить ей остаться еще хоть одну минутку, говоря, что ей еще надо успеть закончить свои дела, а потом она сейчас же пойдет спать. Мари была очень разумная и послушная девочка, а потому мама могла, нисколько не боясь, оставить ее одну с игрушками. Но для того, чтобы она, занявшись новыми куклами и игрушками, не забыла погасить свет, мама сама задула все свечи, оставив гореть одну лампу, висевшую в комнате и освещавшую ее бледным, мерцающим полусветом.

– Приходи же скорей, Мари, – сказала мама, уходя в свою комнату, – если ты поздно ляжешь, завтра тебе трудно будет вставать.

Оставшись одна, Мари поспешила заняться делом, которое ее очень тревожило, и для чего именно она и просила позволить ей остаться. Больной Щелкунчик все еще был у нее на руках, завернутый в ее носовой платок. Положив бедняжку осторожно на стол и бережно развернув платок, Мари стала осматривать его раны. Щелкунчик был очень бледен, но при этом он, казалось, так ласково улыбался Мари, что

тронул ее до глубины души.

– Ах, мой милый Щелкунчик! – сказала она. – Ты не сердись на брата Фрица за то, что он тебя ранил; Фриц немного огрубел от суровой солдатской службы, и все же он очень добрый мальчик, я тебя уверяю. Теперь я буду за тобой ухаживать, пока ты не выздоровеешь совсем. Крестный Дроссельмейер вставит тебе твои зубы и поправит плечо; он на такие штуки мастер…

Но как же удивилась и испугалась Мари, когда увидела, что при имени Дроссельмейера Щелкунчик вдруг скривил лицо, и в глазах его мелькнули колючие зеленые огоньки. Не успела Мари хорошенько прийти в себя, как увидела, что лицо Щелкунчика уже опять приняло свое доброе, ласковое выражение.

– Ах, какая же я глупенькая девочка, что так испугалась! Разве может корчить гримасы деревянная куколка? Но я все-таки люблю Щелкунчика за то, что он такой добрый, хотя и смешной, и буду за ним ухаживать как следует.

Тут Мари взяла бедняжку на руки, подошла с ним к шкафу и сказала своей новой кукле:

– Будь умницей, Клерхен, уступи свою постель бедному больному Щелкунчику, а тебя я уложу на диван; ведь ты здорова; посмотри, какие у тебя красные щеки, да и не у всякой куклы есть такой прекрасный диван.

Клерхен, сидя в своем великолепном платье, как показалось Мари, надула при ее предложении немножко губки.

– И чего я церемонюсь! – сказала Мари и, взяв кроватку, уложила на нее своего больного друга, перевязав ему раненое плечо ленточкой, снятой с собственного платья, и прикрыла одеялом до самого носа.

«Незачем ему оставаться с недоброй Клерхен», – подумала Мари и кровать вместе с лежавшим на ней Щелкунчиком переставила на верхнюю полку, как раз возле красивой деревни, где квартировали гусары Фрица. Сделав это, она заперла шкаф и хотела идти спать, но тут – слушайте внимательно, дети! – тут за печкой, за стульями, за шкафами – словом, всюду, вдруг послышались тихий-тихий шорох, беготня и царапанье. Стенные часы захрипели, но так и не смогли пробить. Мари заметила, что сидевшая на них большая золотая сова распустила крылья, накрыла ими часы и, вытянув вперед свою гадкую, кошачью голову с горбатым носом, забормотала хриплым голосом:

– Хррр…р! Часики, идите! – тише, тише, не шумите! – король мышиный к вам идет! – войско свое ведет! – хрр…р – хрр-р! бим-бом! – бейте, часики, бим-бом!

И затем, мерно и ровно, часы пробили двенадцать. Мари стало вдруг так страшно, что она только и думала, как бы убежать, но вдруг, взглянув еще раз на часы, увидела, что на них сидела уже не сова, а сам крестный Дроссельмейер и, распустив руками полы своего желтого кафтана, махал ими, точно сова крыльями. Тут Мари не выдержала и закричала в слезах:

– Крестный! Крестный! Что ты там делаешь? Не пугай меня! Сойди вниз, гадкий крестный!

Но тут шорох и беготня поднялись уже со всех сторон, точно тысячи маленьких лапок забегали по полу, а из щелей, под карнизами, выглянули множество блестящих маленьких огоньков. Но это были не огоньки, а, напротив, крошечные сверкавшие глазки, и Мари увидела, что в комнату со всех сторон повалили мыши. Трот-трот! Хлопхлоп! – так и раздавалось по комнате.

Мыши толкались, суетились, бегали целыми толпами и наконец, к величайшему изумлению Мари, начали становится в правильные ряды в таком же порядке, в каком Фриц расставлял своих солдат, когда они готовились к сражению. Мари это показалось очень забавным, потому что она вовсе не боялась мышей, как это делают иные дети, и прежний страх ее уже начал было проходить совсем, как вдруг раздался резкий и громкий писк, от которого холод пробежал у Маши по жилам. Ах! Что она увидела! Нет, любезный читатель Фриц! Хотя я и уверен, что у тебя, так же как и у храброго Фрица Штальбаума, мужественное сердце, все же, если бы ты увидел, что увидела Мари, то, наверно, убежал бы со всех ног, прыгнул в свою постель и зарылся с головой в одеяло. Но бедная Мари не могла сделать даже этого! Вы только послушайте, дети! Как раз возле нее из большой щели в полу вдруг вылетело несколько кусочков известки, песка и камешков, словно от подземного толчка, и вслед за тем

выглянуло целых семь мышиных голов с золотыми коронами, и – представьте – все эти семь голов сидели на одном туловище! Большая семиголовая мышь с золотыми коронами выбралась наконец из щели вся и сразу же поскакала вокруг выстроившегося мышиного войска, которое встречало ее с громким, торжественным писком, после чего все воинство двинулось к шкафу, как раз туда, где стояла Мари. Мари и так уже была очень напугана – сердечко ее почти готово было выпрыгнуть из груди, и она ежеминутно думала, что вот-вот сейчас умрет, но тут Мари совсем растерялась и почувствовала, что кровь стынет в ее жилах. Невольно попятилась она к шкафу, но вдруг раздалось: клик-клак-хрр!.. – и стекло в шкафу, которое она нечаянно толкнула локтем, разлетелось вдребезги. Мари почувствовала сильную боль в левой руке, но вместе с тем у нее сразу отлегло от сердца: она не слышала больше ужасного визга, так что Мари, хотя и не могла увидеть, что делалось на полу, но предположила, что мыши испугались шума разбитого стекла и спрятались в свои норы.

Но что же это опять? В шкафу, за спиной Мари, поднялась новая возня. Множество тоненьких голосов явственно кричали:

– В бой, в бой! Бей тревогу! Ночью в бой, ночью в бой! Бей тревогу!

И вместе с этим раздался удивительно приятный звон мелодичных колокольчиков.

– Ах, это колокольчики в игрушке крестного, – радост-

но воскликнула Мари и, обернувшись к шкафу, увидела, что внутренность его была освещена каким-то странным светом, а игрушки шевелились и двигались как живые.

Куклы стали беспорядочно бегать, размахивая руками, а Щелкунчик вдруг поднялся с постели, сбросив с себя одеяло, и закричал во всю мочь:

– Крак, крак! Мышиный король дурак! Крак, крак! Дурак! Дурак!

При этом он размахивал по воздуху своей шпагой и продолжал кричать:

– Эй, вы, друзья, братья, вассалы! Постоите ли вы за меня в тяжком бою?

Тут подбежали к нему три паяца, Полишинель, трубочист, два тирольца с гитарами, барабанщик и хором воскликнули:

– Да, принц! Клянемся тебе в верности! Веди нас на смерть или победу!

С этими словами они все, вместе со Щелкунчиком, спрыгнули с верхней полки шкафа на пол комнаты. Но им-то было хорошо! На них были толстые шелковые платья, а сами они были набиты ватой и опилками и упали на пол, как мешочки с шерстью, нисколько не ушибившись, а каково было спрыгнуть, почти на два фута вниз, бедному Щелкунчику, сделанному из дерева? Бедняга, наверно, переломал бы себе руки и ноги, если бы в ту самую минуту, как он прыгал, кукла Клерхен, быстро вскочив со своего дивана, не приняла героя с обнаженным мечом в свои нежные объятия.

– Ах, моя милая, добрая Клерхен! – воскликнула Мари. – Как я тебя обидела, подумав, что ты неохотно уступила свою постель Щелкунчику.

Клерхен же, прижимая героя к своей шелковой груди, говорила:

– О принц! Неужели вы хотите идти в бой такой раненый и больной? Останьтесь! Лучше смотрите отсюда, как будут драться и вернутся с победой ваши храбрые вассалы! Паяц, Полишинель, трубочист, тиролец и барабанщик уже внизу, а прочие войска вооружаются на верхней полке. Умоляю вас, принц, останьтесь со мной!

Так говорила Клерхен, но Щелкунчик вел себя весьма странным образом и так барахтался и болтал ножками у нее на руках, что она вынуждена была опустить его на пол. В ту же минуту он ловко упал перед ней на одно колено и сказал:

– О сударыня! Верьте, что ни на одну минуту не забуду я в битве вашего ко мне участия и милости!

Клерхен нагнулась, взяла его за руку, сняла свой украшенный блестками пояс и хотела повязать им стоявшего на коленях Щелкунчика, но он, быстро отпрыгнув, положил руку на сердце и сказал торжественным тоном:

– Нет, сударыня, нет, не этим! – И, сорвав ленту, которой Мари перевязала его рану, прижал ее к губам, а затем, надев ленту себе на руку как рыцарскую перевязь, спрыгнул, словно птичка, с края полки на пол, размахивая своей блестящей шпагой.

Вы, конечно, давно заметили, мои маленькие читатели, что Щелкунчик еще до того, как по-настоящему ожил, чрезвычайно глубоко ценил внимание и любовь к нему Мари и только потому не хотел надеть перевязь Клерхен, несмотря на то что та была очень красива и сверкала. Доброму, верному Щелкунчику была гораздо дороже простенькая ленточка Мари!

Однако что-то будет, что-то будет! Едва Щелкунчик спрыгнул на пол, как писк и беготня мышей возобновились с новой силой. Вся их жадная, густая толпа собралась под большим круглым столом, и впереди всех бегала и прыгала противная мышь с семью головами!

Что-то будет! Что-то будет!

Сражение

– Бей походный марш, барабанщик! – громко крикнул Щелкунчик, и в тот же миг барабанщик начал выбивать такую сильную дробь, что задрожали стекла в шкафу.

Затем внутри его что-то застучало, задвигалось, и Мари увидела, что крышки ящиков, в которых были расквартированы войска Фрица, отворились, и солдаты, торопясь и толкая друг друга, впопыхах стали прыгать с верхней полки на пол, строясь там в правильные ряды. Щелкунчик бегал вдоль выстроившихся рядов, ободряя и воодушевляя солдат.

– Чтобы ни один трубач не смел тронуться с места! – крик-

нул он сердито и затем, обратясь к побледневшему Полишинелю, у которого заметно дрожал подбородок, торжественно сказал: – Генерал! Я знаю вашу храбрость и опытность. Вы понимаете, что мы не должны терять ни одной минуты! Я поручаю вам командование всей кавалерией и артиллерией. Самому вам лошади не надо, у вас такие длинные ноги, что вы легко поскачете на своих двоих. Исполняйте же вашу обязанность!

Полишинель тотчас же приложил ко рту свои длинные пальцы и так пронзительно свистнул, что и сто трубачей не смогли бы затрубить громче. Ржание и топот раздались из шкафа ему в ответ; кирасиры, драгуны, а главное – новые, блестящие гусары Фрица, вскочив на лошадей, мигом попрыгали на пол и выстроились в ряды. Знамена распустились, и скоро вся армия, предводительствуемая Щелкунчиком, заняла под громкий военный марш правильную боевую позицию на середине комнаты. Пушки с артиллеристами, тяжело гремя, выкатились вперед. Бум! Бум! – раздался первый залп, и Мари увидела, как ядра из драже полетели в самую гущу мышей, обсыпав их добела сахаром, чем, казалось, они были очень сконфужены. Особенно много вреда наносила им тяжелая батарея, поставленная на мамину скамейку для ног и обстреливавшая их градом твердых, круглых пряников, от которых они с писком разбежались в разные стороны.

Однако основная их масса придвигалась все ближе и бли-

же, и даже некоторые пушки были уже ими взяты, но тут от дыма выстрелов и возни поднялась такая густая пыль, что Маша не могла ничего различить. Ясно было только то, что обе армии сражались с необыкновенной храбростью и победа переходила то на ту, то на другую сторону. Толпы мышей все прибывали, и их маленькие серебряные ядра, которыми они стреляли необыкновенно искусно, долетали уже до шкафа. Трудхен и Клерхен сидели, прижавшись друг к другу, и в отчаянии ломали руки.

– О, неужели я должна умереть вот так, во цвете лет! Я! Самая красивая кукла! – воскликнула Клерхен.

– Для того ли я так долго и бережно хранилась, чтобы погибнуть здесь, в четырех стенах! – перебила Трудхен; и, бросившись друг другу в объятия, они зарыдали так громко, что их можно было слышать даже сквозь шум сражения.

А то, что делалось на поле битвы, ты, любезный читатель, не мог бы себе даже представить! Прр…р! Пиф-паф, пуф! Трах, тарарах! Бим, бом, бум! – так и раздавалось по комнате, и сквозь эту страшную канонаду слышались крик и визг мышиного короля и его мышей да грозный голос Щелкунчика, раздававшего приказания и храбро ведшего в бой свои батальоны. Полишинель сделал несколько блестящих кавалерийских атак, покрыв себя неувядаемой славой, но вдруг гусары Фрица были забросаны артиллерией мышей отвратительными, зловонными ядрами, которые испачкали их новенькие мундиры, и они отказались сражаться дальше. По-

лишинель вынужден был скомандовать им отступление и, вдохновясь ролью полководца, отдал такой же приказ кирасирам и драгунам, а наконец и самому себе, так что вся кавалерия, обернувшись к неприятелю тылом, со всех ног пустилась домой. Этим они поставили в большую опасность стоявшую на маминой скамейке батарею; и действительно не прошло минуты, как густая толпа мышей, бросившись с победным кличем на батарею, сумела опрокинуть скамейку, так что пушки, артиллеристы, прислуга – словом, все покатилось по полу. Щелкунчик был озадачен и скомандовал отступление на правом фланге. Ты, без сомнения, знаешь, мой воинственный читатель Фриц, что такое отступление означает почти то же, что и бегство, и я уже вижу, как ты опечален, предугадывая несчастье, грозящее армии бедного, так любимого Машей Щелкунчика. Но погоди! Позабудь ненадолго это горе и полюбуйся левым флангом, где пока все еще в порядке, и надежда по-прежнему воодушевляет и солдат, и полководца. В самый разгар боя кавалерийский отряд мышей успел сделать засаду под комодом и, вдруг выскочив оттуда, с гиком и свистом бросился на левый фланг Щелкунчика, но какое же сопротивление встретили они!

С быстротой, какую только позволяла труднопроходимая местность – надо было перелезать через порог шкафа, – мгновенно сформировался отряд добровольцев под предводительством двух китайских императоров и построился в каре. Этот храбрый, хотя и пестрый отряд, состоявший из

садовников, тирольцев, тунгусов, парикмахеров, арлекинов, купидонов, львов, тигров, морских котов, обезьян и т. п., с истинно спартанской храбростью бросился в бой и уже почти вырвал победу из рук врага, как вдруг какой-то дикий, необузданный вражеский всадник, яростно бросившись на одного из китайских императоров, откусил ему голову, а тот, падая, задавил двух тунгусов и одного морского кота. Таким образом, в каре была пробита брешь, через которую стремительно ворвался неприятель и в один миг перекусал весь отряд. Не обошлось, правда, без потерь и для мышей; как только кровожадный солдат мышиной кавалерии перегрызал пополам одного из своих отважных противников, прямо в горло ему попадала печатная бумажка, от чего он умирал на месте. Но все это мало помогло армии Щелкунчика, который, отступая все дальше и дальше, все более терял людей и остался, наконец, с небольшой кучкой героев возле самого шкафа.

«Резервы! Скорее резервы! Полишинель! Паяц! Барабанщик! Где вы?» – так отчаянно кричал Щелкунчик, надеясь на помощь еще оставшихся в шкафу войск. На зов его действительно выскочили несколько пряничных кавалеров и дам, с золотыми лицами, шляпами и шлемами, но они, размахивая неловко руками, дрались так неискусно, что почти совсем не попадали во врагов, а, напротив, сбили шляпу с самого Щелкунчика. Неприятельские егеря скоро отгрызли им ноги, и они, падая, увлекли за собой даже некоторых из

последних защитников Щелкунчика. Тут его окружили со всех сторон, и он оказался в величайшей опасности, так как не мог своими короткими ногами перескочить через порог шкафа и спастись бегством. Клерхен и Трудхен лежали в обмороке и не могли ему помочь. Гусары и драгуны прыгали в шкаф, не обращая на него никакого внимания.

В отчаянии закричал Щелкунчик:

– Коня! Коня! Полцарства за коня!

В эту минуту два вражеских стрелка вцепились в его деревянный плащ; мышиный король, радостно оскалив зубы в своих семи ртах, тоже прыгнул к нему.

Мари, заливаясь слезами, могла только вскрикнуть:

– О, мой бедный Щелкунчик! – И, не отдавая себе отчета в том, что делает, сняла с левой ноги башмачок и бросила его изо всех сил в самую гущу мышей.

В тот же миг все словно прахом рассыпалось; Мари почувствовала сильную боль в левой руке и упала в обморок.

Болезнь

Очнувшись, точно от тяжелого сна, Мари увидела, что лежит в своей постельке, а солнце светлыми лучами освещает комнату сквозь обледенелые стекла окон.

Возле нее сидел, как сначала показалось ей, какой-то незнакомый господин, в котором она скоро узнала хирурга Вендельштерна. Он сказал тихонько:

– Ну вот, она очнулась.

Мама подошла к ней и посмотрела на нее испуганным, вопрошающим взглядом.

– Ах, милая мамочка! – залепетала Мари. – Скажи, пожалуйста, прогнали ли гадких мышей и спасен ли мой милый Щелкунчик?

– Полно, Мари, болтать всякий вздор, – сказала мама, – какое дело мышам до твоего Щелкунчика? Ты уж без того напугала нас всех; видишь, как нехорошо, когда дети не слушаются родителей и все делают по-своему. Вчера ты заигралась до поздней ночи со своими куклами и задремала. И тут очень могло случиться, что какая-нибудь мышь, которых, впрочем, до сих пор у нас не было, вылезла из-под пола и тебя напугала. Ты разбила локтем стекло в шкафу и поранила себе руку, и если бы господин Вендельштерн не вынул тебе из раны кусочков стекла, то ты бы могла легко перерезать жилу и истечь кровью, а то и лишиться руки. Слава богу, что ночью мне вздумалось встать и посмотреть, что вы делаете. Я нашла тебя на полу, возле шкафа, всю в крови и с испуга чуть сама не упала в обморок. Вокруг тебя были разбросаны оловянные солдатики Фрица, пряничные куклы и знамена; Щелкунчика держала ты на руках, а твой башмачок лежал посредине комнаты.

– Ах, мама, мама! Вот видишь! Это были следы сражения кукол с мышами, и я испугалась потому, что мыши хотели взять в плен Щелкунчика, который командовал кукольным

войском. Тут я бросила в мышей мой башмачок и уже не помню, что было потом.

Хирург Вендельштерн сделал маме знак глазами, и та сказала тихо:

– Хорошо, хорошо! Пусть будет так, только успокойся. Всех мышей прогнали, а Щелкунчик, веселый и здоровый, стоит в твоем шкафу.

Тут вошел в комнату папа и долго о чем-то говорил с хирургом. Оба они пощупали Мари пульс, и она слышала, что речь шла о какой-то горячке, вызванной раной.

Несколько дней ей пришлось лежать в постели и принимать лекарства, хотя она, если не считать боли в локте, почти не чувствовала недомогания. Она была спокойна, ведь Щелкунчик ее спасся, но нередко во сне она слышала его голос, который говорил: «О моя милая, прекрасная Мари! Как я вам благодарен! Но вы можете еще многое для меня сделать!»

Мари долго думала, что бы это могло значить, но никак не могла придумать. Играть она не могла, из-за больной руки, а читать и смотреть картинки ей не позволяли, потому что у нее при этом рябило в глазах. Потому время тянулось для нее бесконечно долго, и она не могла дождаться сумерек, когда мама садилась у ее кровати и начинала ей рассказывать или читать чудесные сказки.

Однажды, когда мама только что кончила сказку про принца Факардина, дверь отворилась, и в комнату вошел

крестный Дроссельмейер со словами:

– Ну-ка дайте мне посмотреть на нашу бедную больную Мари!

Мари, как только увидела крестного в его желтом сюртуке, тотчас со всей живостью вспомнила ту ночь, когда Щелкунчик проиграл свою битву с мышами, и громко воскликнула:

– Крестный, крестный! Какой же ты был злой и гадкий, когда сидел на часах и закрывал их своими полами, чтоб они не били громко и не испугали мышей! Я слышала, как ты звал мышиного короля! Зачем ты не помог Щелкунчику, не помог мне, гадкий крестный? Теперь ты один виноват, что я лежу раненая и больная!

– Что с тобой, Мари? – спросила мама с испуганным лицом; но крестный вдруг скорчил какую-то престранную гримасу и забормотал нараспев:

– Тири-бири, тири-бири! Натяните крепче гири! Бейте, часики, тик-тук! Тик да тук, да тик, да тук! Бим-бом, бим-бам! Клинг-кланг, клинг-кланг! Бейте часики сильней! Прогоните всех мышей! Хинк-ханк, хинк-ханк! Мыши, мыши, прибегайте! Глупых девочек хватайте! Клинг-кланг, клинг-кланг! Тири-бири, тири-бири! Натяните крепче гири! Прр-пурр, прр-пурр! Шнарр-шнурр, шнарр-шнурр!

Мари широко открытыми глазами уставилась на крестного, который показался ей еще некрасивее, чем обыкновенно, и который размахивал в такт руками, точно картонный

плясун, когда его дергают за веревочку. Мари стало бы даже немножко страшно, если бы тут не сидела мама и если бы Фриц, пришедший в комнату, громко не расхохотался, увидев Дроссельмейера.

– Крестный, крестный! – закричал он. – Ты опять дурачишься! Знаешь, ты теперь очень похож на моего паяца, которого я забросил за печку.

Мама закусила губу, глядя на Дроссельмейера, и сказала:

– Послушайте, советник, что это, в самом деле, за неуместные шутки?

– О господи, – рассмеялся советник, – разве вы не знаете моей песенки часовщика? Я ее всегда напеваю таким больным, как Мари.

Тут он сел к Маше на кровать и сказал:

– Ну-ну, не сердись, что я не выцарапал мышиному королю все его четырнадцать глаз. За это я тебя теперь порадую.

С этими словами крестный полез в карман, и что же он оттуда тихонько вынул? Щелкунчика! Милого Щелкунчика, которому он успел уже вставить новые крепкие зубы и починить разбитую челюсть.

Мари в восторге захлопала руками, а мама сказала:

– Видишь, как крестный любит твоего Щелкунчика.

– Ну само собой, – возразил крестный, – только знаешь что, Мари, теперь у твоего Щелкунчика новые зубы, а ведь он не стал красивее прежнего и все такой же урод, как и был. Хочешь, я тебе расскажу, почему сделался он таким некра-

сивым? Впрочем, может быть, ты уже слышала историю о принцессе Пирлипат, о ведьме Мышильде и об искусном часовщике?

– Послушай, крестный, – внезапно перебил Фриц, – зубы Щелкунчику ты вставил и челюсть починил, но почему же нет у него сабли?

– Ну ты, неугомонный! – проворчал советник. – Тебе нужно все знать и во все совать свой нос; какое мне дело до его сабли? Я его вылечил, а саблю пусть он добывает сам, где хочет!

– Правильно! – закричал Фриц. – Если он храбр, то добудет себе оружие.

– Ну так что же, Мари, – продолжил советник, – знаешь ты или нет историю про принцессу Пирлипат?

– Ах, нет, нет, милый крестный, – отвечала Мари, – расскажи мне ее, пожалуйста.

– Я надеюсь, советник, – сказала мама, – что история эта не будет очень страшной, как обыкновенно бывает все, что вы рассказываете.

– О, нисколько, дорогая госпожа Штальбаум, – возразил советник, – напротив, она будет очень забавной.

– Рассказывай, крестный, рассказывай, – воскликнули дети, и советник начал так:

Сказка о крепком орехе

Мать принцессы Пирлипат была женой короля, а потому Пирлипат, когда родилась, сразу стала принцессой. Король-отец был в таком восторге от рождения славной дочки, что даже прыгал около ее люльки на одной ноге, приговаривая:

– Гей-да! Видал ли кто-нибудь девочку милее моей Пирлипатхен?

И все министры, генералы и придворные, прыгая вслед за королем на одной ноге, отвечали хором:

– Не видали, не видали!

И это не было ложью, потому что действительно трудно было найти во всем свете ребенка прелестнее новорожденной принцессы. Личико ее было точно белоснежная лилия с приставшими к ней лепестками роз, глазки сверкали, как голубые звездочки, а волосы вились прелестнейшими золотыми колечками. Ко всему этому надо прибавить, что Пирлипатхен родилась с двумя рядами прелестных жемчужных зубов, и, когда, спустя два часа после ее рождения, рейхсканцлер хотел пощупать ее десны, она так больно укусила ему палец, что он завопил: «Ай-ай-ай!» Правда, некоторые придворные уверяли, что он закричал: «Ой-ой-ой!» – но вопрос этот до сих пор еще не решен окончательно. Бесспорно одно, что принцесса укусила рейхсканцлера за палец и что

вся страна разом уверилась в раннем уме и редких способностях принцессы.

Рождение ее, как уже было сказано, обрадовало решительно всех, и только одна королева вдруг стала, неизвестно почему, грустна и задумчива. Замечательно и то, что она с особенной тщательностью приказала оберегать колыбель новорожденной. Мало того что у самых дверей ее комнаты стояли на страже драбанты и что у колыбели всегда сидели две няньки, королева приказала, чтобы еще шесть нянек постоянно дежурили в той же комнате. Но чего уже решительно никто не мог понять, так это того, почему каждая из этих шести нянек должна была держать на коленях по коту и всю ночь гладить его, заставляя мурлыкать. Вы, милые дети, никак бы не догадались, зачем королева-мать ввела такие порядки, но я это знаю и сейчас вам расскажу.

Раз ко двору отца Пирлипат съехалось много прекрасных принцев и королей, чему он был очень рад и всячески старался развеселить своих гостей всевозможными забавами, театрами, рыцарскими играми, балами и т. п. Желая показать, что в царстве его нет недостатка в золоте и серебре, он велел не скупиться и провести празднество, достойное его. Посоветовавшись с главным кухмистером, король решил задать своим гостям пир на славу и угостить их самой чудесной колбасой, какая только есть на свете, тем более что, по уверению главного астронома, теперь было самое удобное время для колки свиней. Сказано – сделано! Мигом сел король

в карету и поскакал звать гостей на обед, уже заранее наслаждаясь своим торжеством; перед обедом же дружески сказал королеве:

– Ведь ты, дружочек, конечно, знаешь, какую я люблю колбасу…

Королева понимала очень хорошо, что этим он изъявил желание, чтобы она сама занялась приготовлением его любимого блюда, как это уже бывало не раз. Казначей немедленно распорядился достать из кладовой и принести в кухню большой золотой котел, а также серебряные кастрюльки; когда большой огонь запылал в очаге, королева надела камчатый передник, и скоро вкусный дух от варившегося фарша проник даже в двери совета, где заседал король. В восторге он не мог удержаться и, быстро проговорив: «Извините, господа, я сейчас ворочусь», – побежал в кухню, нежно обнял королеву, помешал немного скипетром в котле и затем, успокоенный, воротился заканчивать заседание.

Между тем кухне предстояло самое важное дело: поджарить на серебряных вертелах разрезанное на куски вкусное сало. Придворные дамы должны были удалиться, потому что королева, из любви и уважения к королю, хотела непременно исполнить это сама. Но едва успела она положить шпик на огонь, как вдруг раздался из-под пола тоненький голосок:

– Сестрица, сестрица! Позвольте мне кусочек! Ведь я такая же королева, как и вы; мне очень хочется попробовать вашего вкусного сала.

Королева сейчас же поняла, что это был голос госпожи Мышильды, уже давно жившей под полом их дворца. Крыса эта приписывала себя к королевскому роду и уверяла, что она сама правит королевством Мышляндия и держит поэтому под печкой большой двор. Королева была очень добрая, сострадательная женщина, и хотя в душе вовсе не почитала седую крысу своей родственницей и сестрой, но в такой торжественный день ей не хотелось отказывать кому бы то ни было ни в какой безделице, и она добродушно отвечала:

– Сделайте одолжение, госпожа Мышильда, пожалуйте сюда и кушайте на здоровье.

Крыса живо выскочила из-под пола, вскарабкалась на очаг и стала хватать своими лапками кусочки сала, которые подавала ей королева. Но тут, вслед за крысой, прибежала вся ее родня, тетки, кумушки, а главное – семь ее сыновей, препротивных обжор, и стали поедать сало в таком страшном количестве, что бедная королева не знала, что ей делать. К счастью, подоспела вовремя обергофмейстерина и сумела прогнать эту жадную свору. Оставшееся сало было аккуратнейшим образом поделено придворным математиком по равному кусочку на каждую колбасу.

Между тем трубы и литавры возвестили о прибытии гостей. Принцы и короли в праздничных одеждах – кто верхом на прекрасной лошади, кто в изящном экипаже – собирались на колбасный пир. Король принимал всех с очаровательной любезностью и затем, как хозяин, сел за обедом на

первом месте стола, со скипетром и короной. Но едва подали ливерную колбасу, как все заметили, что король вдруг побледнел, стал вздыхать и вертеться, как будто ему было неудобно сидеть. Когда же гостей обнесли кровяными колбасами, он уже не выдержал и, громко застонав, опрокинулся на стул, обеими руками закрывая лицо. Все повскакивали со своих мест; лейб-медик напрасно пытался нащупать у короля пульс; наконец после невероятных усилий и употребления таких средств, как пускание в нос дыма жженых перьев, удалось привести короля немного в чувство, причем первыми его словами было:

– Слишком мало сала!

Королева, едва это услышала, как тут же бросилась королю в ноги, с отчаянием ломая руки и рыдая:

– О бедный, несчастный супруг мой! – кричала она. – Чувствую, чувствую, как вы страдаете! Виноватая здесь, у ваших ног! Накажите строго! Крыса Мышильда со своими семью сыновьями, тетками и прочей родней съела все сало! – И с этими словами королева без чувств упала навзничь.

Король в ужасном гневе вскочил со своего места и закричал:

– Обер-гофмейстерина! Как это могло случиться?

Та рассказала все, что знала, и король дал тут же торжественную клятву отомстить за все крысе и всей ее родне.

Государственный тайный совет, созванный для совещания, предложил немедленно начать против крысы процесс,

конфисковав предварительно ее имущество; но король, главным образом боявшийся, как бы крыса во время процесса не продолжала поедать сало, решил поручить все это дело придворному часовщику и механику. Человек этот, которого звали, так же как и меня, Христианом Элиасом Дроссельмейером, обещал очень искусным способом изгнать крысу со всем ее семейством навсегда из пределов королевского дворца.

Он выдумал маленькие машинки, в которые положил для приманки по кусочку сала, и расставил их около крысиной норы.

Сама крыса была слишком умна, чтобы не догадаться, в чем тут было дело, но для жадной семьи мудрые ее предостережения остались напрасными, и, привлеченные вкусным запахом сала, все ее семь сыновей, а также многие из прочих родственников попались в машинки механика Дроссельмейера и были внезапно захлопнуты опускающимися дверцами в ту самую минуту, когда собирались полакомиться салом. Пойманных немедленно казнили в той же кухне.

Старая крыса покинула место скорби и плача со всем своим оставшимся двором, пылая горем, отчаянием и жаждой мести.

Король и придворные ликовали, но королева очень беспокоилась, зная, что крыса не оставит неотомщенной смерть своих сыновей и родственников. И действительно, раз, когда королева готовила своему супругу очень любимый им соус

из потрохов, крыса вдруг выскочила из-под пола и сказала:

– Мои сыновья и родственники убиты! Смотри, королева, чтоб я за это не перекусила пополам твою дочку Пирлипат! Берегись!

С этими словами она исчезла и уже больше не показывалась, а испуганная до смерти королева опрокинула в огонь всю кастрюльку с соусом, так что крыса испортила во второй раз, к великому гневу короля, его любимое блюдо.

– Но, впрочем, на сегодня довольно; конец расскажу в другой раз, – неожиданно закончил крестный.

Как ни просила Маша, в головке которой рассказ крестного оставил совершенно особенное впечатление, продолжить начатую сказку, крестный остался неумолим и, вскочив с места, повторил: «Много сразу – вредно для здоровья! Продолжение завтра».

С этими словами он хотел направиться к двери, но Фриц, поймав его за фалды, закричал:

– Крестный, крестный! Это правда, что ты выдумал мышеловки?

– Какой вздор ты городишь, Фриц! – сказала мама, но советник, засмеявшись каким-то особенно странным смехом, тихо сказал:

– Ведь ты знаешь, какой я искусный часовщик; так почему же мне не выдумать?

Продолжение сказки о крепком орехе

– Теперь вы знаете, дети, – начал так советник Дроссельмейер на другой день вечером, – почему королева так беспокоилась о новорожденной принцессе. Да и как ей было не беспокоиться при мысли о том, что в любую минуту Мышильда может вернуться и исполнить свою угрозу. Машинки Дроссельмейера не могли ничего сделать против умной, предусмотрительной крысы, и придворный астроном, носивший титул тайного обер-звездочета, объявил, что единственным средством оставалось просить помощи у кота Мура, который один вместе со своей семьей мог спасти принцессу и отвадить Мышильду от колыбельки. Поэтому-то каждая из нянек, дежуривших при принцессе, держала на коленях по одному из сыновей кота Мура, которым пожаловали за это при дворе почетные должности, причем няням приказано было постоянно щекотать им за ухом для облегчения выполнения возложенной на них обязанности.

Как-то ночью случилось, что одна из двух обер-гофнянек, сидевшая у самой колыбели, незаметно вздремнула, а за ней заснули все остальные няньки и коты. Внезапно проснувшись, она с испугом огляделась – тишина! Ни шороха, ни мурлыканья! И только древесный червячок точил где-то стену. Но каков же был ужас няни, когда она вдруг увидела, что на подушке колыбели, как раз возле самого лица принцессы,

сидела огромная седая крыса и прямо глядела на нее своими противными глазами! С криком, разбудившим всех, бросилась нянька к принцессе, но Мышильда (это была она) успела уже прошмыгнуть в угол комнаты. Коты кинулись за ней, но не тут-то было! Она исчезла в щели в полу. Принцесса между тем проснулась от шума и громко расплакалась.

– Слава богу, она жива! – воскликнули няни, но каков же был их ужас, когда они увидели, что сделалось с этим прелестным ребенком! Вместо белой, с розовыми щечками, кудрявой головки, на плечах маленького сгорбленного туловища сидела огромная, уродливая голова. Голубые глазки превратились в зеленые и тупо вытаращились, как два шара, а рот раздвинулся до ушей!

Королева от плача и слез чуть не умерла, а в кабинете короля должны были обить стены ватой, потому что он в отчаянии бился о них головой, крича:

– О, несчастный я монарх!

Таким образом, оказалось, что лучше было бы ему съесть колбасу вовсе без сала и при этом оставить в покое крысу Мышильду со всем ее семейством. Но королю, однако, эта простая мысль не пришла в голову, и он, напротив, свалил всю вину на придворного часовщика Христиана Элиаса Дроссельмейера из Нюрнберга, вследствие чего и издал мудрый приказ, чтобы Дроссельмейер в течение четырех недель во что бы то ни стало вылечил принцессу или, по крайней мере, указал верное к тому средство; в противном же случае

объявил, что ему будет отрублена голова.

Дроссельмейер не на шутку перепугался, но, веруя в свое искусство, сейчас же начал придумывать, как пособить горю. Он очень искусно разобрал принцессу по частям, отвинтил ей ручки и ножки, осмотрел ее внутреннее строение и, к крайнему прискорбию, пришел к заключению, что принцесса со временем не только не похорошеет, а, напротив, будет делаться с каждым годом все безобразнее. Он осторожно опять собрал принцессу и с грустным видом уселся возле колыбели в ее комнате, откуда его не выпускали ни на шаг.

Наступила среда четвертой недели, и король, гневно сверкая глазами и потрясая скипетром, воскликнул:

– Христиан Дроссельмейер! Или вылечи принцессу, или тебя ждет смерть!

Дроссельмейер горько заплакал, а принцесса то и дело щелкала орехи. Тут в первый раз запала Дроссельмейеру в голову мысль о странном пристрастии принцессы к орехам, а также о том обстоятельстве, что она родилась уже с зубами. В самые первые дни после своего рождения она без умолку кричала до тех пор, пока не попадался ей случайно под руку орех, который она тут же разгрызала, съедала ядро и тотчас успокаивалась. С тех пор няньки то и дело унимали ее плач орехами.

– О святой инстинкт природы! – воскликнул Христиан Элиас Дроссельмейер. – О неисповедимая симпатия всего сущего! Ты мне указываешь дверь этой тайны! Я постучу –

и тайна откроется!

Он тотчас же просил позволения переговорить с придворным астрономом и был сведен к нему под стражей. Оба обнялись в слезах, потому что были закадычными друзьями, а затем, запершись в уединенном кабинете, начали рыться в груде книг, трактующих об инстинкте, симпатиях, антипатиях и многих тому подобных премудрых вещах. С наступлением ночи астроном навел на звезды телескоп и затем составил с помощью понимающего в этом деле толк Дроссельмейера гороскоп принцессы. Работа эта оказалась очень трудной. Линии перепутывались до такой степени, что только после долгого, упорного труда оба с восторгом прочли совершенно ясное предопределение, что красота принцессы вернется к ней снова, если будет найден орех Кракатук, и принцессе дадут скушать его вкусное ядрышко.

Орех Кракатук имел такую твердую скорлупу, что ее не могло бы пробить сорокавосьмифунтовое пушечное ядро. Мало того – этот орех должен был разгрызть на глазах у принцессы маленький человечек, который еще ни разу не брился и не носил сапогов. Кроме того, человечку необходимо было подать принцессе ядро от разгрызенного ореха с зажмуренными глазами, а затем отступить семь шагов назад, ни разу не споткнувшись, и вновь открыть глаза.

Три дня и три ночи кряду работали Дроссельмейер с астрономом для составления этого гороскопа, и наконец в субботу во время обеда, как раз накануне того дня, когда Дрос-

сельмейеру следовало отрубить голову, принес он с торжеством королю радостную весть о том, что найдено средство вернуть принцессе утраченную красоту. Король милостиво его обнял, обещал пожаловать ему бриллиантовую шпагу, четыре ордена и два праздничных кафтана.

– Сейчас же после обеда, – сказал он, – мы испытаем это средство; позаботьтесь, чтобы и орех, и человечек были готовы, да, главное, не давайте ему вина, чтоб он не споткнулся, когда будет пятиться задом положенные семь шагов; потом пусть пьет вволю!

Дроссельмейер похолодел при этих словах короля и не без трепета осмелился доложить, что хотя средство найдено, но сам орех Кракатук и маленького человечка предстояло еще отыскать, и что он, сверх того, сильно сомневается, будут ли они вообще когда-либо найдены. В страшном гневе король, потрясая скипетром над своей венчанной головой, закричал, как лев:

– Так прощайся же со своей головой!

На счастье Дроссельмейера, король хорошо пообедал в этот день и потому был расположен склонять милостивое ухо к разумным доводам, которые не преминула ему представить добрая, тронутая участью Дроссельмейера королева. Дроссельмейер, собравшись с духом, почтительно доложил королю, что, собственно, средство вылечить принцессу было найдено им, а потому он осмеливается думать, что этим получил право на помилование. Король, хоть немного и рас-

сердился, но, подумав и выпив стакан желудочной воды, решил, что оба – часовщик и звездочет – немедленно отправятся на поиски ореха Кракатука и не должны возвращаться без него. Что же касается человечка, который должен был его раскусить, то королева приказала напечатать объявление для желающих сделать это во всех выходящих в государстве газетах и ведомостях…

Тут советник прервал свой рассказ и обещал досказать остальное на другой день вечером.

Конец сказки о крепком орехе

На следующий день, едва зажглись свечи, явился крестный и стал рассказывать далее:

– Дроссельмейер вместе с придворным астрономом странствовали уже около шестнадцати лет и все-таки никак не могли напасть даже на след ореха Кракатука. Какие страны они посетили, какие диковинки видели – этого, любезные дети, мне не пересказать вам в течение целых четырех недель, а потому я не стану этого делать, а сообщу вам только, что под конец путешествия Дроссельмейер очень стосковался по своему родному городу Нюрнбергу. Непреодолимое желание увидеть его вновь зародилось в нем с особенной силой в каком-то дремучем лесу в Азии, где они блуждали с другом и остановились выкурить трубочку превосходного кнастера.

– О, мой милый, родной Нюрнберг! – воскликнул он. –

Какие бы города ни посетил путешественник – Лондон, Париж, Петервардейн, но, увидя тебя в первый раз, с твоими чудесными домами и окнами, он позабудет их все!

Пока Дроссельмейер так жалобно вспоминал Нюрнберг, астроном, глядя на него, разревелся уже не на шутку и рыдал так громко, что голос его далеко разнесся по всей Азии. Скоро, однако, собрался он вновь с силами, отер слезы и сказал:

– Послушай, любезный друг! Какая нам польза от того, что мы тут сидим и плачем? Знаешь что! Отправимся в Нюрнберг! Ведь нам решительно все равно, где искать этот проклятый орех Кракатук.

– А что, ведь и в самом деле! – ответил, развеселившись, Дроссельмейер.

Оба встали, набили трубки и, определив сторону, в которой был Нюрнберг, относительно того места в Азии, где они находились, отправились туда по совершенно прямой линии. Достигнув цели путешествия, Дроссельмейер немедленно отыскал своего родственника, игрушечного мастера и позолотчика Кристофа Захарию Дроссельмейера, с которым не виделся очень много лет. Игрушечный мастер очень удивился, когда Дроссельмейер рассказал ему всю историю принцессы Пирлипат, крысы Мышильды и ореха Кракатука, и, слушая, он несколько раз всплескивал руками и все повторял:

– Ну, любезный братец, чудеса так чудеса!

Дроссельмейер рассказал ему о некоторых из своих при-

ключений во время долгого странствования, рассказал, как он два года прожил у Финикового короля, как нехорошо обошлись с ним принцы Миндального государства, как напрасно собирал он сведения об орехе Кракатуке во всевозможных ученых обществах и как ему никоим образом не удалось напасть даже на его след. Во время его рассказов Кристоф Захария беспрестанно прищелкивал пальцами, вертелся на одной ноге, причмокивал губами и приговаривал:

– Гм, гм! Эге! Вот оно как!

Наконец, стащив с себя парик, радостно подбросил он его кверху, а затем, обняв Дроссельмейера, воскликнул:

– Ну, братец! Ведь ты счастливец! Верь мне! Послушай, или я жестоко ошибаюсь, или орех Кракатук у меня!

С этими словами он вынул из маленького ящика небольшой позолоченный орех и, показывая его своему родственнику, рассказал следующее:

– Несколько лет тому назад пришел сюда в рождественский сочельник незнакомый человек и предложил дешево купить у него мешок орехов. Как раз перед дверью моей игрушечной лавки он поссорился с нашим лавочником, который не хотел терпеть чужого торговца. Незнакомец, желая удобнее действовать в случае нападения лавочника, спустил мешок со своей спины на землю, но тут проезжала мимо тяжело нагруженная фура и, переехав через мешок, раздавила решительно все орехи, кроме одного, который хозяин, странно улыбаясь, предложил мне купить за цванцигер 1720

года. Замечательно, что, опустив руку в карман, я нашел в нем именно такой цванцигер, какой желал иметь этот человек. Купив орех, я, сам не зная зачем, велел его позолотить и удивлялся только тому, что решился заплатить за него так дорого.

Сомнение в том, точно ли это орех Кракатук, было немедленно разрешено астрономом, который, соскоблив позолоту, прочитал на ободке ореха ясно написанное китайскими буквами слово «Кракатук».

Можно себе было представить радость путешественников! Игрушечный мастер считал себя самым счастливым человеком в мире, когда Дроссельмейер уверил его, что, кроме пожизненной пенсии, ему будет возвращено даже все золото, использованное им на позолоту ореха. Оба: и часовщик и астроном – уже надели ночные колпаки, чтобы отправиться спать, как вдруг последний сказал:

– Знаешь что, любезный друг? Ведь счастье никогда не приходит одно. Мне кажется, мы нашли не только орех Кракатук, но и маленького человечка, который должен его раскусить; и это не кто иной, как сын нашего почтенного хозяина! Я не могу думать о сне и немедленно займусь составлением его гороскопа!

С этими словами он снял свой колпак и тотчас принялся наблюдать за звездами.

Сын игрушечного мастера был пригожий юноша, который действительно еще ни разу не брился и ни разу не надевал

сапог. В ранней молодости он, два Рождества кряду, исполнял роль паяца, но следов от этого занятия в нем не заметил бы никто: так искусно с тех пор воспитывал его отец. К Рождеству одевали его в красивый красный, вышитый золотом кафтан со шляпой, прицепляли шпагу и завивали волосы. В таком наряде стоял он в лавке своего отца и с необыкновенной любезностью щелкал маленьким девочкам орехи, за что они его и прозвали Щелкунчиком. На следующее утро астроном с восторгом обнял часовщика и воскликнул:

– Это он! Он! Мы его нашли! Только прошу тебя, помни следующее: во-первых, надо будет приделать твоему племяннику сзади крепкую деревянную косу и соединить ее, с помощью пружин, с его подбородком, чтобы придать его зубам большую крепость. А во-вторых, приехав в столицу, мы отнюдь не должны рассказывать, что привезли с собой человечка, который должен разгрызть орехи. Он должен явиться позже, потому что я прочитал в его гороскопе, что король, после того как некоторые обломают себе зубы, объявит, что тому, кто разгрызет орех Кракатук, он даст принцессу Пирлипат в жены и сделает наследником престола.

Игрушечный мастер был в восторге, что сын его может жениться на принцессе Пирлипат и сделаться королем, почему и отпустил его охотно с часовщиком и звездочетом. Деревянная коса, которую приделал часовщик своему племяннику, действовала превосходно, так что он без малейшего труда мог раскусывать самые твердые персиковые ядрышки.

Едва в столице распространился слух о возвращении Дроссельмейера с астрономом, как тотчас же были сделаны необходимые приготовления, и оба путешественника, явившиеся ко двору с привезенным ими лекарством, нашли там множество желающих попробовать раскусить орех и вылечить принцессу, среди них было даже несколько принцев.

Оба с немалым испугом увидели принцессу вновь. Ее маленькое тело с крошечными, тощими ручонками едва держало огромную, уродливую голову. Безобразие ее лица еще более увеличилось из-за белой, точно нитяной, бороды, которой обросли ее губы и подбородок.

Дальше все произошло именно так, как предсказал по гороскопу звездочет. Молокососы в башмаках один за другим напрасно пытались разгрызть орех, но только переломали себе зубы и испортили челюсти, а принцессе ничуть не полегчало. Каждый, кого выносили, был почти без памяти; зубные врачи только приговаривали:

– Ну! Вот так орех! Наконец, когда сокрушаемый горем король объявил, что отдаст счастливцу, который раскусит орех, свою дочь в супруги и сделает своим наследником, скромно явился ко двору молодой Дроссельмейер и попросил позволения сделать попытку.

Этот юноша понравился принцессе больше всех остальных, так что она даже положила на сердце свою маленькую ручку и сказала, вздохнув:

– Ах, если бы он раскусил орех и стал моим мужем!

Поклонившись учтиво королю, королеве и принцессе, молодой Дроссельмейер взял из рук обер-церемониймейстера Кракатук, положил его, недолго думая, в рот, крепко стиснул зубы, и раздалось – крак! Скорлупка разлетелась вдребезги. Ловко очистил он ядро от кожицы и, преклонив верноподданнически колени, подал его принцессе, а затем, закрыв глаза, начал пятиться. Принцесса мигом проглотила ядро, и вдруг – о чудо! – уродец исчез, а на его месте оказалась прелестная молодая девушка. Щеки ее опять стали похожи на лилию с приставшими к ней розовыми лепестками, глаза засверкали, точно голубые звездочки, а волосы завились прелестными золотыми колечками.

Громкий звук труб и гобоев смешался с радостным криком народа. Король и придворные опять начали прыгать на одной ножке, как и при рождении царевны, а на королеву пришлось даже вылить целый флакон одеколона, потому что ей от радости сделалось дурно.

Разволновавшаяся толпа чуть было не сбила с ног молодого Дроссельмейера, которому еще было положено пятиться семь шагов; однако он не споткнулся и уже занес было ногу, чтобы ступить в седьмой раз, как вдруг из-под пола с громким свистом и шипением поднялась голова седой крысы; молодой Дроссельмейер, опуская ногу, больно придавил ее каблуком и в одну минуту превратился в такого же урода, каким была до того принцесса. Туловище его съежилось, голова раздулась, глаза вытаращились, а вместо косы повис за

спиною тяжелый деревянный плащ.

Часовщик и астроном не могли прийти в себя от ужаса, но, однако, они заметили, что и крыса, вся в крови, лежала без движения на полу. Злость ее не осталась без наказания, так как каблук молодого Дроссельмейера крепко ударил ее по шее, и ей пришел конец.

Но, охваченная предсмертными муками, она собрала последние силы и прошипела:

– Орех Кракатук! Сгубил меня ты вдруг! Хи-хи! Пи-пи! Но умру я не одна! Щелкунчик-хитрец, и тебе придет конец! Сынок с семью головами отомстит тебе со своими мышами! Ох, тяжко, тяжко дышать! Пришла пора умирать! Пик!

С этими словами крыса умерла, и труп ее был тотчас убран из зала придворным истопником. О молодом Дроссельмейере между тем, казалось, все позабыли, но принцесса сама напомнила королю о его обещании и приказала привести своего избавителя. Но едва она его увидела, как в ужасе закрыла лицо руками и закричала:

– Прочь, прочь, гадкий Щелкунчик!

Гофмаршал тотчас же схватил его за воротник и выбросил вон за двери.

Король, рассердившись, что ему хотели навязать в зятья такого урода, свалил всю вину на часовщика с астрономом и приказал немедленно выслать их обоих навсегда из столицы. Так как это обстоятельство не было предусмотрено гороскопом, составленным в Нюрнберге, то астроном принял-

ся снова за наблюдения и прочел по звездам, что молодой Дроссельмейер, несмотря на свое безобразие, все-таки будет принцем и королем. Уродство же его исчезнет только в том случае, если ему удастся убить сына крысы Мышильды, родившегося после смерти ее семи сыновей с семью головами и ставшего мышиным королем, и если прекрасная юная дама полюбит Щелкунчика, несмотря на его безобразие. Вследствие этого Щелкунчика опять выставили к Рождеству в лавке его отца, но обходились уже с ним почтительно, как с принцем!

Вот вам, дети, сказка о крепком орехе! Теперь вы знаете, почему люди говорят, что не всякий орех по зубам, а также почему Щелкунчики бывают такие уроды!

Так кончил советник свою сказку. Мари подумала про себя, что Пирлипат – недобрая и неблагодарная принцесса, а Фриц уверял, что если Щелкунчик и вправду храбрец, то он сумеет управиться с мышиным королем и возвратит себе свою прежнюю красоту.

Дядя и племянник

Если какому-нибудь из моих любезных читателей или слушателей случалось когда-нибудь порезаться стеклом, то он, без сомнения, помнит, как это бывает больно и как медленно заживают подобные раны. Так и Мари должна была провести целую неделю в постели, потому что при всякой

попытке встать у нее начинала кружиться голова. Наконец она выздоровела и опять могла по-прежнему бегать и прыгать по комнате.

В стеклянном шкафу нашла она все в полном порядке и чистоте. Деревья, цветы, домики, куклы стояли чинно и мило. Но всего более обрадовалась Мари своему милому Щелкунчику, стоявшему на второй полке с совершенно новыми, крепкими зубами и весело улыбавшемуся ей. Увидев своего друга, Мари задумалась. Ей пришла в голову мысль, что уж не с ее ли Щелкунчиком случилось все то, о чем рассказывал крестный в своей сказке о ссоре Щелкунчика с мышиным королем? Рассуждая далее, она пришла к выводу, что Щелкунчик ее не кто иной, как молодой Дроссельмейер из Нюрнберга, заколдованный крысой Мышильдой, племянник крестного Дроссельмейера.

В том, что искусным часовщиком при дворе отца принцессы Пирлипат был сам советник Дроссельмейер, Мари не сомневалась ни одной минуты уже во время самого рассказа. «Но почему же не помог тебе твой дядя?» – сокрушалась Мари, припоминая подробности виденной ею битвы, в которой Щелкунчик, как оказалось, дрался за свою корону и царство. «Если, – думала Мари, – все куклы называли тогда себя его подданными, то значит, пророчество придворного астронома исполнилось, и молодой Дроссельмейер точно стал принцем кукольного царства».

Рассуждая так, умненькая Маша заключила, что если

Щелкунчик и его вассалы живы, то они должны шевелиться и уметь двигаться, но в шкафу все было тихо и неподвижно. Тогда Мари, далекая от мысли расстаться со своим внутренним убеждением, приписала это просто влиянию колдовства седой крысы и ее семиголового сына.

– Во всяком случае, мой милый господин Дроссельмейер, – говорила она, обращаясь к Щелкунчику, – если вы не можете двигаться и говорить со мной, то, наверное, слышите меня и хорошо знаете, что можете во всем рассчитывать на мою помощь. Я попрошу и вашего дядю помогать вам, когда это будет нужно.

Щелкунчик остался недвижен, но Мари показалось, что в шкафу будто кто-то тихонько вздохнул, так что стекла, неплотно вставленные в раму, чуть-чуть задребезжали, и в то же время кто-то проговорил тоненьким голоском, похожим на серебряный колокольчик: «Мария, друг, хранитель мой! Не надо мук – я буду твой!»

Мари испугалась, но и почувствовала какое-то необыкновенно приятное чувство.

Наступили сумерки. Советник медицины вернулся домой вместе с крестным; Луиза разлила чай, и все семейство уселось за круглым столом, весело разговаривая. Мари потихоньку придвинула свой высокий стульчик к тому месту, где сидел крестный, и уселась возле него. Улучив минутку, когда все замолчали, Мари посмотрела пристально на крестного своими большими голубыми глазами и сказала:

– Крестный! А ведь я знаю, что мой Щелкунчик – это молодой Дроссельмейер, твой племянник из Нюрнберга, и что он стал принцем и королем, как предсказал твой друг звездочет. Ты ведь тоже знаешь, что он воюет с мышиным королем, сыном крысы Мышильды; почему же ты ему не помогаешь?

При этом Мари снова подробно рассказала историю виденного ею сражения, прерываемая громким смехом мамы и Луизы. Только Дроссельмейер и Фриц остались серьезны.

– Откуда эта девочка набралась такого вздора? – сказал советник медицины.

– У нее очень живая фантазия, – ответила мама, – и все это не более чем горячечный бред.

– Да притом это неправда, – закричал Фриц, – мои красные гусары не такие трусы, чтобы убежать с поля сражения! Не то я бы им показал!

Крестный, между тем ласково улыбаясь, взял Мари на колени и сказал, гладя ее по головке:

– Не слушай их, моя маленькая Мари! Тебе Бог дал больше, чем всем нам! Ты, как моя Пирлипатхен в сказке, родилась принцессой и умеешь править в чудесном, прекрасном королевстве, что же касается твоего Щелкунчика, то тебе придется перенести из-за него немало горя: мышиный король преследует его везде; не я, а ты одна можешь его спасти, будь только стойкой и преданной!

Ни Мари, ни кто-либо из присутствующих не могли дога-

даться, что хотел крестный сказать этими словами, а советнику медицины речь эта показалась до того странной, что он даже пощупал у крестного пульс и сказал:

– Эге, любезный друг, да у вас, кажется, прилив крови к голове, я вам что-нибудь пропишу.

Только советница в раздумье покачала головой и тихо сказала:

– Я, кажется, догадываюсь, что он хочет сказать, но только не могу этого выразить словами.

Победа

Через несколько дней Мари была вдруг разбужена ночью каким-то шумом, доносившимся из угла комнаты, где она спала. Казалось, будто кто-то бросал и катал маленькие шарики по полу и при этом громко пищал.

– Ах, мыши! Это опять мыши! – с испугом вскрикнула Мари и хотела уже разбудить свою маму, но голос ее прервался на полуслове, а холод пробежал по жилам, когда она вдруг увидела, что мышиный король, выскочив со своими семью коронами из-под пола, вспрыгнул разом на маленький круглый столик, стоявший возле постели Мари, и, уставясь на нее, запищал, щелкая гадкими зубами:

– Хи-хи-хи! Если не отдашь мне все твои конфеты и марципаны, то я перекушу пополам твоего Щелкунчика! – И, сказав это, опять исчез в своей норе.

Мари так испугалась, что была бледна после того целый день и едва могла говорить. Несколько раз готова она была рассказать свое приключение маме, Луизе и Фрицу, но каждый раз останавливалась при мысли, что ей не поверят и будут смеяться. Однако ей было совершенно ясно, что ради спасения Щелкунчика надо было расстаться и с конфетами, и с марципанами, и потому все, что у нее было, положила она вечером потихоньку на пол возле шкафа. На другой день утром мама сказала:

– Какая неприятность, у нас опять завелись мыши! Сегодня ночью они съели у бедной Мари все ее конфеты.

Так оно и было. Жадный мышиный король, съев конфеты, оставил только марципан, не найдя его, должно быть, по своему вкусу, но все-таки до того его изгрыз, что остатки все равно пришлось выбросить. Добрая Мари не только не жалела конфет, но в душе даже радовалась, что спасла тем своего Щелкунчика. Но, что почувствовала она, когда услышала на следующую ночь опять возле своей подушки знакомый пронзительный свист! Мышиный король сидел снова на столике и, сверкая глазами еще отвратительнее, чем в прежнюю ночь, пищал сквозь зубы:

– Отдай мне твоих сахарных и пряничных кукол или я разгрызу пополам твоего Щелкунчика! Разгрызу, разгрызу!

Сказав это, он опять исчез под полом.

Мари была очень огорчена, когда, подойдя на другой день к шкафу, увидела своих сахарных и пряничных куколок. Го-

ре ее было совершенно понятно, потому что вряд ли когда-нибудь видела ты, моя маленькая слушательница Мари, таких прелестных сахарных и пряничных кукол, какие были у Мари Штальбаум. Тут были и пастух с пастушком, и целое стадо белоснежных барашков, и весело прыгавшая вокруг них собака, были два почтальона с письмами да кроме того четыре пары красиво одетых мальчиков и девочек, танцевавших русский танец; был Пахтер Фельдкюммель с Орлеанскою девой, которые, впрочем, не особенно нравились Маше; всех же более любила она маленького краснощекого ребенка в колыбельке. Слезы полились из ее глаз, когда она увидела любимую куколку, но, впрочем, тотчас же, обратясь к Щелкунчику, сказала:

– Ах, мой милый господин Дроссельмейер! Поверьте, я пожертвую всем, чтобы вас спасти, но все-таки мне очень, очень тяжело!

Щелкунчик, слушая, глядел так печально, что Мари, вспомнив мышиного короля, с его оскаленными зубами, готового перекусить Щелкунчика пополам, мигом забыла все и твердо решилась спасти своего друга. Всех своих сахарных куколок положила она вечером на пол возле шкафа, как вчера конфеты, но прежде перецеловала пастушка, пастушку, всех барашков, вынула, наконец, своего любимца, поставив его в самый задний ряд, а Фельдкюммеля с Орлеанской девой – в первый.

– Нет, это уже слишком! – воскликнула на другой день

советница. – У нас завелась какая-то прожорливая мышь в стеклянном шкафу! Представьте, что все сахарные куколки бедной Мари изгрызены и перекусаны на куски!

Мари чуть было не заплакала, но, вспомнив, что спасла Щелкунчика, даже улыбнулась сквозь слезы. Когда вечером советница рассказала об этом крестному Дроссельмейеру, отец Мари очень был недоволен и сказал:

– Неужели нет никакого средства извести эту гадкую мышь, которая поедает у моей бедной Мари все ее сласти!

– Ну как не быть? – весело воскликнул Фриц. – Внизу у булочника есть отличный серый кот; надо его взять к нам наверх, а он уж отлично обделает дело, будь даже эта скверная мышь сама крыса Мышильда или сын ее, мышиный король!

– Да, – прибавила мама, смеясь, – а заодно начнет прыгать по стульям, столам и перебьет всю посуду и чашки.

– О нет! – возразил Фриц. – Это очень ловкий кот; я бы хотел сам уметь так лазать по крышам, как он.

– Нет уж, пожалуйста, нельзя ли обойтись ночью без кошек, – сказала Луиза, которая их очень не любила.

– Я думаю, – сказал советник, – что Фриц прав, а пока можно будет поставить и мышеловку; ведь у нас она есть?

– Что за беда, если и нет, – закричал Фриц, – крестный тотчас сделает новую! Ведь он же их выдумал!

Все засмеялись, когда же советница сказала, что у них в самом деле нет мышеловок, крестный объявил, что у него в доме их много, и тотчас велел принести одну, отлично сде-

ланную.

Сказка о крепком орехе постоянно занимала все мысли Мари и Фрица. Когда кухарка начала жарить сало, Мари не могла смотреть на нее без страха, и, полная воспоминаниями о странных слышанных ею вещах, она сказала однажды дрожащим голосом:

– Ах, королева, королева! Берегитесь седой крысы и ее семейства!

Фриц же тотчас выхватил саблю и закричал:

– А ну-ка, ну-ка! Пусть они явятся! Я им покажу!

Но все оставалось спокойно и в кухне, и под полом. Советник между тем положил в мышеловку кусочек сала, приподнял захлопывавшуюся дверцу и осторожно поставил ее возле шкафа. Фриц, видя это, не мог удержаться, чтобы не сказать:

– Ну смотри, крестный-часовщик! Не попадись сам! Мышиный король шуток не любит!

Тяжело пришлось бедной Мари на следующую ночь. Противный мышиный король был до того дерзок, что вскочил в этот раз ей на самое плечо и, высунув со скрежетом семь кроваво-красных языков, шипел в самое ухо до смерти перепуганной, дрожащей Мари:

– Хитри, хитри! В оба смотри! Я ведь ловок! Не боюсь мышеловок! Подавай твои картинки, платьице и ботинки! А не то – ам-ам! Щелкунчика пополам! Хи-хи! Пи-пи, квик-квик!

Можно себе представить горе Мари! Она даже побледнела и чуть не расплакалась, когда на другой день утром мама сказала, что злая мышь еще не поймана, но, решив, что Мари печалится о своих конфетах и боится мышей, прибавила:

– Полно, успокойся, милая Мари! Поверь, что мы прогоним всех мышей. Если не помогут мышеловки, то Фриц достанет нам своего кота.

Едва Мари осталась одна в комнате, как тотчас же подошла, плача, к шкафу и сказала:

– Ах, мой добрый господин Дроссельмейер! Что могу сделать для вас я, бедная маленькая девочка? Если я даже отдам гадкому мышиному королю все мои книжки с картинками и мое хорошенькое новое платье, которое мне подарили к Рождеству, то он потребует что-нибудь еще, а у меня больше нет ничего, и он, пожалуй, захочет перекусить вместо вас меня! О, бедная, бедная я девочка! Что же мне делать, что мне делать?

Так плача и жалуясь, Мари заметила, что у Щелкунчика с прошлой ночи появился на шее красный кровавый рубец, как после раны. Она вообще-то с тех пор, как узнала, что Щелкунчик был племянником крестного Дроссельмейера, почему-то стеснялась брать его на руки и целовать как прежде, но теперь взяла с полки и стала бережно оттирать кровавое пятно платком. Но как оторопела и изумилась Мари, почувствовав, что Щелкунчик вдруг в ее руках потеплел и зашевелился. Быстро поставила она его вновь на полку и

увидела, что губы Щелкунчика вдруг задвигались, и он внезапно проговорил тоненьким голоском:

– Ах, моя дорогая фрейлейн Штальбаум! Милый, единственный друг мой! Нет, не приносите в жертву ради меня ни ваших книжек с картинками, ни платьев! Достаньте мне саблю, только саблю!.. А об остальном уж позабочусь я сам!

На этих словах Щелкунчик замолк, и оживившиеся глаза его приняли прежнее, деревянное и безжизненное выражение. Мари не только не испугалась, но, напротив, почувствовала невыразимую радость, услышав, что может спасти своего друга без дальнейших тяжелых жертв. Но где было достать ей саблю для маленького героя?

Мари решила посоветоваться с Фрицем и вечером, когда родители ушли, и они остались вдвоем возле шкафа, рассказала ему все, что происходило между мышиным королем и Щелкунчиком, а также и о средстве, каким можно было его спасти.

Фриц стал очень серьезен, когда услышал от сестры, какими трусами оказались в сражении его гусары. Он даже потребовал, чтобы она дала ему честное слово, что это было действительно так, и, когда она это исполнила, он подошел к шкафу и обратился к ним с очень грозной речью, закончив тем, что собственными руками сорвал с их шапок в наказание за трусость кокарды и запретил им в течение года играть их военный походный марш. Покончив с наказанием гусар, он обратился снова к Мари и сказал:

– Что касается сабли, то я могу помочь твоему Щелкунчику; вчера я уволил в отставку с пенсией одного старого кирасирского полковника, а потому его прекрасная острая сабля больше ему не нужна.

Отставной полковник проживал на пожалованную ему Фрицем пенсию в углу, на третьей полке шкафа; его вытащили оттуда, отвязали его прекрасную саблю и отдали ее Щелкунчику.

Всю следующую ночь Мари не могла сомкнуть глаз от страха. Ровно в полночь в комнате, где стоял шкаф, началась такая суматоха, какой еще никогда не бывало, и сквозь этот страшный гвалт вдруг раздался знакомый уже Мари резкий пронзительный писк.

– Мышиный король! Мышиный король! – воскликнула Мари и в ужасе вскочила со своей кровати, но тут шум мгновенно утих, и вместо этого кто-то осторожно постучал в дверь ее комнаты, сказав тоненьким голоском:

– Успокойтесь, милая фрейлейн Штальбаум, у меня хорошие вести!

Мари узнала голос молодого Дроссельмейера, накинула на себя платьице и отворила дверь. Щелкунчик стоял перед ней с окровавленной саблей в правой и с маленькой, зажженной восковой свечкой в левой руке. Увидав Мари, он встал на одно колено и воскликнул:

– О дама моего сердца! Вы дали мне силу и вдохновили меня для победы над тем, кто осмеливался вас оскор-

бить! Мышиный король, смертельно раненный, купается в собственной крови. Не откажите принять из рук преданного вам до гроба рыцаря трофеи его победы!

С этими словами Щелкунчик ловко стряхнул с левой руки надетые им, как браслеты, семь корон мышиного короля и подал их Мари, радостно принявшей этот подарок.

– Теперь, когда враг мой повержен, – продолжал Щелкунчик, – я покажу вам, дорогая фрейлейн Штальбаум, такие диковинные вещи, каких никогда не видали вы; решитесь только последовать за мною; решитесь, прошу вас! Не бойтесь ничего!

Кукольное царство

Я думаю, дети, никто из вас ни минуты не колебался бы, пойти ли за добрым, милым Щелкунчиком, который уж, конечно, не имел ничего плохого на уме. Мари готова была на это тем охотнее, что могла рассчитывать на величайшую благодарность Щелкунчика и была твердо уверена, что он сдержит слово и действительно покажет ей много диковинок. Потому она и сказала:

– Я согласна идти с вами, господин Дроссельмейер, но только если это будет не очень далеко и не очень долго, потому что, признаться, я еще не выспалась.

– Ну в таком случае, – возразил Щелкунчик, – я выберу самую короткую, хотя и не совсем удобную дорогу.

Он пошел вперед, а Мари за ним, пока наконец оба не остановились пред большим платяным шкафом, стоявшим в столовой. Мари очень удивилась, когда увидела, что двери этого бывшего всегда запертым шкафа были отворены настежь, и она ясно могла видеть висевшую папину дорожную лисью шубу. Щелкунчик ловко взобрался по выступу шкафа и резьбе и схватил большую кисть, болтавшуюся на толстом шнуре сзади на шубе. Едва он ее дернул, как по шубе вниз спустилась сквозь рукав изящная сделанная из кедрового дерева лестница.

– Взойдите по этой лестнице, милая Мари, – крикнул Щелкунчик сверху.

Мари стала взбираться, но едва она пролезла сквозь рукав и достигла воротника, как увидела, что ее внезапно озарил какой-то легкий приятный свет, и она очутилась стоящей на прелестном, вкусно пахнувшем лугу, усыпанном, как ей показалось, миллионами ярко сиявших драгоценных камней.

– Мы на Леденцовом лугу, – сказал Щелкунчик, – и сейчас пройдем вон через те ворота.

Тут только Мари заметила чудесные ворота, стоявшие на том же лугу в нескольких шагах от нее. Они, казалось, были сложены из мрамора белого, шоколадного и розового цветов, но, подойдя ближе, Мари увидела, что это был не мрамор, а обсахаренный миндаль с изюмом, потому, как объяснил Щелкунчик, и сами ворота назывались Миндально-Изюмными. Простой же народ, довольно неучтиво, называл их воро-

тами обжор-студентов. На одной из боковых галерей ворот, сделанной, вероятно, из ячменного сахара, сидели шесть маленьких, одетых в красные курточки обезьян и играли янычарский марш, так что Мари, сама того не замечая, шла под музыку все дальше и дальше по мраморному, прекрасно сделанному из разноцветных леденцов полу.

Скоро в воздухе повеяли прекрасные ароматы, несшиеся из чудесного лежавшего по обе стороны дороги леска. На фоне его темной зелени сверкали светлые точки, и, подойдя ближе, можно было ясно видеть золотые и серебряные яблоки, висевшие на ветвях, украшенных бантами из разноцветных лент, какие бывают у женихов или съехавшихся на свадьбу гостей. Когда же легкий ветерок, разносивший чудный апельсиновый запах, колебал ветки деревьев, то золотые и серебряные плоды, касаясь один другого, звенели, точно хрустальные колокольчики, и вместе с тем так и мелькали в глазах, как сверкающие огоньки.

– Ах, как здесь хорошо! – воскликнула восхищенная Мари.

– Мы в лесу Детских рождественских подарков, – сказал Щелкунчик.

– О, погодите же, не идите очень скоро, здесь так хорошо, – продолжала Мари.

Щелкунчик остановился, хлопнул в ладоши, и сейчас же вышли им навстречу маленькие пастухи и пастушки, охотники, такие белые и нежные на вид, что, казалось, они были

сделаны из чистого сахара. Мари только сейчас их заметила, хотя они давно уже гуляли в лесу. Они принесли прекрасное золотое кресло, положили на него мягкую шелковую подушку и любезно предложили Мари отдохнуть. Едва она села, как пастухи и пастушки протанцевали перед ней прекрасный балет под музыку охотничьих рогов, и затем все скрылись в кустарниках.

– Извините, милая фрейлейн Штальбаум, если танец показался вам немножко однообразным, но это танцоры из нашего механического театра и могут танцевать всегда только одно и то же. Потому и охотники так сонно дули в свои рога; им досадно также, что они не могут достать повешенных слишком высоко на этих деревьях конфет. Но не угодно ли вам отправиться дальше?

– Да что вы, балет был просто прелесть какой и мне очень понравился! – сказала Мари, вставая с кресла и отправляясь вслед за Щелкунчиком.

Они пошли вдоль светлого, струившегося ручейка, который наполнял своим чудным благоуханием весь лес.

– Это Апельсиновый ручей, – ответил Щелкунчик на расспросы Мари, – он правда очень хорошо пахнет, но по своей красоте не может сравниться с Лимонадной речкой, впадающей в озеро Миндального молока, которые мы сейчас увидим.

До слуха Мари в самом деле стали доноситься шум и журчание воды, и скоро увидела она широкий лимонадный по-

ток, кативший свои светлые, сверкавшие радужными переливами волны среди изумрудных кустов. Приятная, бодрящая грудь и дыхание прохлада веяла от прекрасных вод. Неподалеку лениво струился какой-то желтоватый мутный ручеек с очень приятным запахом; на берегу его сидели красивые детки и удили маленьких, толстых рыбок, которых тут же съедали. Вглядевшись, Мари увидела, что рыбки эти очень походили на маленькие круглые пряники. Неподалеку, на самом берегу ручейка, раскинулась очаровательная деревушка с домами, церквами, домом пастора, амбарами – все темного цвета, но с позолоченными крышами, а на некоторых стенах, казалось, были лепные украшения из обсахаренных миндалей или лимонных цукатов.

– Это деревня Медовых пряников, – сказал Щелкунчик, – и лежит она на берегу Медового ручья; жители ее очень хорошие люди, но сердитые, потому что вечно страдают от зубной боли. Лучше мы туда не пойдем.

В эту минуту глазам Мари открылся красивый городок с разноцветными и прозрачными домиками. Щелкунчик направился прямо к нему, и скоро до слуха Мари долетел веселый шум и гам уличного движения; сотни маленьких людей и повозок толкались и шумели на рыночной площади. Повозки были нагружены бумажками от конфет и шоколадными плитками. Толпа только что принялась их разгружать.

– Мы в Конфетенхаузене, – сказал Щелкунчик, – куда сейчас прибыло посольство от шоколадного короля из Бумаж-

ного королевства. Бедные жители и их дома недавно очень пострадали от нашествия жадных мух, вот почему они и возводят теперь укрепления из конфетных бумажек и шоколадных брусьев, которые им прислал в дар шоколадный король. Но, впрочем, нам не хватит времени посетить все города и деревни этой страны: в столицу! В столицу!

Щелкунчик быстро пошел вперед, а за ним полная любопытства Мари. Скоро в воздухе повеяло чудесным запахом роз, и все вокруг вдруг озарилось нежным розовым сиянием. Мари увидела, что это был отблеск сверкавшей, как заря, водной поверхности, по которой с тихим плеском катились серебристо-розовые волны, превращавшиеся в сладостно-мелодичные звуки. На водной равнине, открывавшейся все более и более, по мере того как они к ней подходили, и оказавшейся целым озером, плавали серебряные лебеди с золотыми ленточками на шее и пели веселые песенки, под звуки которых в розовых волнах танцевали и кружились бриллиантовые рыбки.

– Ах, – воскликнула в восторге Мари, – это точно то озеро, которое обещал мне сделать крестный Дроссельмейер, а я та самая девочка, которая должна была кормить лебедей!

Щелкунчик, услышав это, засмеялся так насмешливо, как еще ни разу не смеялся, и сказал:

– Ну нет! Крестному такой вещи не сделать! Скорее вы, милая мадемуазель Штальбаум… Да, впрочем, что нам об этом напрасно спорить, отправимся лучше по Розовому озе-

ру в столицу.

Столица

Щелкунчик захлопал в ладоши, и розовое море вдруг заволновалось сильнее прежнего; волны стали подниматься выше и выше, и Мари увидела приближавшуюся к ним сверкавшую, точно драгоценные камни, лодочку-раковину, в которую были впряжены два дельфина с золотой чешуей. Двенадцать прелестных маленьких арапчат, в шапочках и передниках, сделанных из радужных перышков колибри, выскочили из лодочки на берег и, подхватив Мари на руки, перенесли сначала ее, а потом и Щелкунчика, скользя по волнам, в лодочку, которая сейчас же повернула и понеслась по озеру.

Весело было Мари плыть по этим чудным розовым волнам, обдававшим ее своим ароматом. Золоточешуйчатые дельфины, высунув из воды головы, высоко пускали вверх фонтаны розовой, кристальной воды, а брызги, падая обратно, сверкали всеми цветами радуги, сливая свое журчание с хором тоненьких голосков, которые слышались повсюду из волн: «Послушайте, скорее, скорее! – навстречу хорошенькой фее! Мушки, жужжите! Рыбки, плывите! Лебеди, песенки пойте! Волны, кружитесь, играйте! – Птички, над нами летайте! Динь-дин-дон! Динь-динь-дон!»

Но песенка эта, по-видимому, очень не нравилась двенадцати маленьким арапчатам, сопровождавшим Мари; они

так сильно стали махать над нею зонтиками из финиковых листьев, что чуть было их не переломали, и в то же время, топая ногами, старались перебить такт песенки, затянув свою: «Клип-клап! Клип-Клап! Не уступит вам арап! Рыбки, прочь! Птички, прочь! Клип-клап! Клип-клап!»

– Арапчата – веселый народ, – сказал Щелкунчик с некоторым беспокойством, – но они у меня взбаламутят сейчас все море.

И в самом деле, голоса, так очаровательно певшие в волнах, умолкли, хотя Мари этого и не заметила, засмотревшись на розовые волны, из которых смотрели на нее прелестные улыбающиеся лица.

– Ах, – радостно воскликнула она, всплеснув руками, – посмотрите, милый господин Дроссельмейер! Ведь это принцесса Пирлипат смотрит на меня, весело улыбаясь! Посмотрите, посмотрите, прошу вас!

Щелкунчик печально вздохнул и сказал:

– О моя дорогая фрейлейн Штальбаум! Это не принцесса Пирлипат, а вы, вы сами! Вы не узнали вашего милого личика, отражающегося в волнах!

Услышав это, Мари очень смутилась и, закрыв глаза, быстро отвернулась. В эту минуту маленькие мавры опять подхватили ее на руки и перенесли на берег. Открыв глаза, она увидела маленькую рощу, которая показалась ей еще лучше, чем лес Детских подарков; так чудно сверкали в ней листья и плоды на деревьях, разливая свой дивный тончай-

ший аромат.

– Мы в Цукатной роще, – сказал Щелкунчик, – а там лежит столица.

Боже! Что увидела Мари, взглянув в сторону, куда указывал Щелкунчик. Я даже не знаю, дети, как вам описать красоту и богатство города, широко раскинувшегося на усеянной цветами роскошной поляне. Он поражал не только удивительной игрой красок своих стен и домов, но и их причудливой формой, которую не сыскать на всем белом свете. Вместо крыш на домах красовались золотые короны, а башни были обвиты прелестными зелеными гирляндами.

Когда Мари со Щелкунчиком вошли в городские ворота, выстроенные из миндального печенья и обсахаренных фруктов, серебряные солдатики, стоявшие на часах, отдали им честь, а маленький человечек, одетый в пестрый халат, выбежав из дверей одного дома, бросился на шею Щелкунчику, восклицая:

– Здравствуйте, здравствуйте, дорогой принц! Добро пожаловать в наш Конфетенбург!

Мари очень удивилась, услышав, что такой почтенный господин называл молодого Дроссельмейера принцем. В эту минуту до слуха ее стал доноситься шум и гам, звуки ликования и веселых песен; удивленная Мари невольно обратилась к Щелкунчику с вопросом, что это значит.

– О милая фрейлейн Штальбаум, – ответил тот, – в этом нет ничего удивительного: Конфетенбург богат, многолюден

и очень любит развлекаться. Здесь каждый день веселье и шум. Но пойдемте, прошу вас, дальше.

Пройдя немного, они очутились на большой рыночной площади. Тут было на что посмотреть! Все окружающие дома были выстроены из разноцветного сахара и украшены сахарными галереями ажурной работы. А посередине площади возвышался высокий сладкий пирог в виде обелиска, окруженный четырьмя искусно сделанными бассейнами, из которых били фонтаны лимонада, оршада и других прохладительных напитков. Пена в бассейнах была из сбитых сливок, так что ее можно было сейчас же зачерпнуть ложкой. Но всего прелестнее были маленькие люди, сновавшие в разные стороны целыми толпами, с песнями, шутками, радостными восклицаниями, то есть со всем тем шумом, который еще издали так поразил Мари.

Тут были прекрасно одетые кавалеры и дамы, армяне, греки, евреи, тирольцы, офицеры, солдаты, пасторы, арлекины – словом, всевозможный народ, какой только существует на свете. В одной части площади поднялся страшный гвалт: толпы людей собрались, чтобы поближе посмотреть, как несли в паланкине Великого Могола, сопровождаемого девяносто тремя подвластными ему князьями и семьюстами невольниками, и надо же было случиться, что навстречу ему попалось торжественное шествие цеха рыбаков, в количестве пятисот человек; да, кроме того, турецкий султан вздумал прогуляться по площадке с тремя тысячами янычар,

к тому же туда же вмешалась религиозная процессия, певшая, с музыкой и звоном, торжественный гимн солнцу. Шум, гам и давка поднялись невообразимые! Раздались жалобные крики; один из рыбаков неосторожно отбил голову брамину, а Великий Могол чуть не был сбит с ног арлекином. Свалка принимала все более и более опасный характер, и дело почти уже доходило до драки, как вдруг человек в халате, приветствовавший Щелкунчика в воротах, быстро влез на обелиск, ударил три раза в колокол и громко три раза крикнул: «Кондитер! Кондитер! Кондитер!» Мигом все успокоилось; каждый кинулся спасаться как мог; Великий Могол вычистил испачканное платье, брамин снова надел свою голову, беспорядок утих, и прежнее веселье снова возобновилось.

– Кто такой этот кондитер? – спросила Мари.

– Ах, милая фрейлейн Штальбаум, – отвечал Щелкунчик, – кондитером здесь называют невидимую, но страшную силу; она может делать из людей все, что ей угодно. Это тот рок, который властвует над нашим маленьким, веселым народцем, и все так его боятся, что уже одно произнесенное его имя может унять народное волнение, как это сейчас нам доказал господин бургомистр. Вспомнив кондитера, всякий из здешних жителей забывает все и невольно впадает в раздумье о том, что такое жизнь и что такое есть он сам!

В эту минуту Маша невольно воскликнула от восторга, внезапно заметив прелестный замок, весь освещенный розовым светом, с множеством легких воздушных башенок.

Стены были покрыты букетами прекраснейших фиалок, нарциссов, тюльпанов, левкоев, и их яркие краски восхитительно переливались на белых, подернутых розоватым оттенком стенах. Большой средний купол и пирамидальные крыши башенок были усеяны множеством золотых, сверкавших, как жар, звездочек.

– Мы перед Марципановым замком, – сказал Щелкунчик.

Мари не могла глаз оторвать от этого волшебного дворца, однако она успела заметить, что на одной из главных башен недоставало крыши, которую достраивала сотня маленьких человечков, стоявших на помостах, сделанных из палочек корицы. Не успела она спросить об этом Щелкунчика, как он ответил сам:

– Недавно этому прекрасному замку грозила очень большая опасность, или, лучше сказать, даже совершенная погибель; великан Лизогуб, проходя мимо, откусил крышу этой башни и уж хотел было приняться за купол, да жители успели его умилостивить, поднеся ему, в виде выкупа, целый квартал города и часть конфетной рощи, которыми он позавтракал и отправился дальше.

В эту минуту послышались звуки тихой, нежной музыки, ворота замка отворились, и навстречу Маше вышли двенадцать маленьких пажей, держа в руках горевшие факелы из засушенных гвоздичных стебельков. Головки пажей были сделаны из жемчужин, туловища из рубинов и изумрудов, а ноги из чистого самой искусной работы золота. За ни-

ми следовали четыре дамы, ростом почти с куклу Клерхен, в необыкновенно роскошных и блестящих нарядах: Мари сейчас же догадалась, что это были принцессы.

Они нежно обняли Щелкунчика, воскликнув с радостью:

– О милый принц! Милый братец!

Щелкунчик был очень тронут и не раз отирал слезы, а потом, схватив Мари за руку, представил ее подошедшим, сказав с жаром:

– Вот фрейлейн Штальбаум, дочь почтенного советника медицины и моя спасительница. Если б она не бросила вовремя свой башмачок и не достала мне саблю отставного полковника, то я лежал бы теперь в гробу, перекушенный пополам жадным мышиным королем! Судите сами, может ли сравниться с фрейлейн Штальбаум по красоте и доброте сама Пирлипат, хотя она и прирожденная принцесса? Нет, тысячу раз нет!

Дамы воскликнули:

– Нет! Нет! – И со слезами бросились обнимать Мари.

– О милая, добрая спасительница нашего брата! Прелестная фрейлейн Штальбаум!

Затем дамы повели Щелкунчика и Мари во внутренность замка, где был чудесный зал со стенами, усеянными блестящими разноцветными кристаллами. Но что более всего понравилось Мари, так это хорошенькая маленькая мебель, украшавшая зал. Это были прелестные миниатюрные стульчики, столики, комоды, конторки, все сделанные из дорогого

кедрового и бразильского дерева.

Принцессы усадили Щелкунчика и Мари рядом и сказали, что сейчас будет подаваться обед. Мигом уставили они стол множеством маленьких тарелок, мисок, салатников, сделанных из тончайшего японского фарфора, а также ножей, вилок, кастрюлек и прочей посуды – все из чистого золота и серебра. Затем принесли прекрасные плоды и конфеты, каких Мари даже никогда не видела, и живо подняли такую стряпню и возню своими маленькими белыми ручками, что Мари только удивлялась, как хорошо умели принцессы хозяйничать. Фрукты резали, миндаль толкли в ступках, душистые корешки терли на терках, и не успела Мари оглянуться, как великолепный обед был готов. Мари очень хотелось помочь принцессам и научиться самой тоже так хорошо готовить. Младшая и самая красивая из сестер Щелкунчика, услышав о таком желании Мари, сейчас же подала ей золотую ступку и сказала:

– Вот возьми, милая спасительница нашего брата, и потолки эти карамельки.

Мари радостно принялась за работу, прислушиваясь к тому, как чисто и звонко гудела ступка под ее пестиком, точно напевая веселую песенку, а Щелкунчик начал рассказывать сестрам подробности о битве его войска с мышиным королем, о том, как он был почти побежден вследствие трусости своих солдат и как противный мышиный король наверно раскусил бы его пополам, если бы Мари не пожертвовала

для его спасения своими лучшими куколками и конфетами, и т. д. Мари во время этого рассказа казалось, что голос Щелкунчика все как-то более и более перемешивается с ударами ее пестика о стенки ступки; а затем какой-то серебристый туман, спускаясь откуда-то сверху, одел и ее, и принцесс, и Щелкунчика легкой прозрачной пеленой, так что под конец ей казалось, что она уже не сидела, а неслась в этом тумане вместе с ними; пение, шум, стук, сливаясь в однообразный гул, уносились куда-то вдаль, а сама она, точно на легких, качающихся волнах, поднималась куда-то высоко-высоко, все выше… выше…

Заключение

Та-ра-ра-бух! – вдруг раздалось в ушах Мари, и, не успев вскрикнуть, почувствовала она, что упала откуда-то со страшной высоты. В испуге открыв глаза, увидела она, что лежит в своей кровати, светлый день глядит в окно, а мама стоит возле нее и говорит: – Как же ты, Мари, так долго спишь! Ведь уже завтрак на столе.

Вы, конечно, догадываетесь, любезные читатели, что Мари, очарованная виденными ею чудесами в Марципановом замке, в конце концов заснула и что мавры с пажами, а может быть и сами принцессы, перенесли ее домой, в ее кровать.

– Ах, мамочка, милая моя мамочка! Если бы ты знала, куда меня водил сегодня ночью молодой Дроссельмейер и ка-

кие чудеса я видела! – воскликнула Мари и при этом рассказала все, что я вам уже рассказал, на что мама удивилась и сказала:

– Ты, Мари, видела очень длинный и хороший сон, но теперь пора тебе выбросить его из головы.

Мари стояла, однако, на своем, уверяя, что это был не сон, а сущая правда, так что мама, наконец, подошла к стеклянному шкафу, вынула оттуда Щелкунчика, стоявшего, по обыкновению, на третьей полке, и сказала, показывая его Мари:

– Ну можно ли быть такой глупенькой девочкой и вообразить, что деревянная нюрнбергская кукла может двигаться и говорить?

– Ах, мама, – перебила ее Мари, – да ведь Щелкунчик – это молодой Дроссельмейер из Нюрнберга, племянник крестного Дроссельмейера!

Тут оба, и советник и советница, разразились неудержимым смехом.

– Папа, папа! – почти со слезами говорила Мари. – Вот ты смеешься над моим Щелкунчиком, а знаешь ли ты, как хорошо он о тебе отзывался, когда мы пришли в Марципановый замок и он представил меня своим сестрам-принцессам? Он сказал, что ты весьма достойный советник медицины!

Тут уже расхохотались не только папа и мама, но даже Луиза с Фрицем.

Тогда Мари побежала в свою комнату, достала из своей

маленькой шкатулочки семь корон мышиного короля и сказала, подавая их маме:

– Так вот смотри же, мама: видишь эти семь корон мышиного короля? Их подарил мне прошлой ночью молодой Дроссельмейер на память, в знак своей победы.

Советница с изумлением разглядывала поданные ей короны, которые были сделаны из какого-то совершенно особенного блестящего металла и притом с таким искусством, что трудно было поверить, чтоб это было делом человеческих рук. Советник тоже не мог насмотреться на эти короны. Затем отец и мать строго потребовали, чтоб Мари непременно объяснила им, откуда она их взяла. Мари ничего не могла прибавить к тому, что уже рассказала, и, когда папа начал ее строго журить и даже назвал маленькой лгуньей, она расплакалась и могла только сказать, рыдая:

– Бедная, бедная я девочка! Что же должна я говорить?

В эту минуту дверь отворилась, и в комнату вошел крестный.

– Что это? – воскликнул он. – Моя милая крестница Мари плачет! Что это значит?

Советник рассказал ему все, что случилось, и показал ему коронки. Крестный, как только их увидел, громко расхохотался и воскликнул:

– Так вот в чем дело! Да ведь это те самые коронки, которые я постоянно носил на моей часовой цепочке и два года тому назад подарил Мари в день ее рождения. Разве вы

забыли?

Ни советник, ни советница не могли этого вспомнить, а Мари, увидев, что папа и мама опять развеселились, бросилась к крестному на шею и воскликнула:

– Крестный, крестный! Ты все знаешь, уверь их, что Щелкунчик мой – твой племянник, молодой Дроссельмейер из Нюрнберга и что коронки подарены мне им!

Крестный на это сделал очень недовольную мину и процедил сквозь зубы:

– Какая, однако, глупая штука вышла!

Тогда советник взял Мари за руку и, поставив ее перед собой, сказал очень серьезно:

– Послушай, Мари, ты должна выбросить из головы эти глупости! Если же ты еще станешь уверять, что твой глупый Щелкунчик племянник господина Дроссельмейера, то я выброшу за окошко и его, и всех остальных твоих куколок, не исключая мамзель Клерхен.

С тех пор бедная Мари не смела и заикнуться о том, что ее так радовало и восхищало, хотя можно себе представить, как нелегко забываются такие чудеса, какие они видела! Представь себе также, мой почтенный читатель Фриц, что даже тезка твой Фриц Штальбаум не хотел слушать рассказов Мари о прекрасном королевстве, в котором она была так счастлива, презрительно называя ее глупой девчонкой, и так мало верил тому, что она говорила, что на первом же параде, который устроил для своих войск, не только отменил все на-

казания, которые назначил гусарам, но даже пожаловал им другие, высшие отличия на шапки в виде султанчиков из гусиных перьев и опять позволил играть их торжественный марш! Этого, признаюсь, зная давно добрый нрав Фрица, я от него даже не ожидал! Что касается нас, то мы-то знаем, как отличились гусары Фрица, испугавшись грязных пятен, которыми мыши испачкали их новые мундиры!

Итак, Мари не смела более говорить о своих приключениях, но образы сказочной страны не оставляли ее, окружая ее каким-то чудным светом и звуча в ушах дивной, очаровательной музыкой. Она, казалось, постоянно жила в нем, и, вместо того чтобы играть, как бывало раньше, она стала от всех удаляться, постоянно находилась в тихой задумчивости, и ее прозвали маленькой мечтательницей.

Раз как-то случилось, что крестный Дроссельмейер поправлял часы в доме советника, а Мари, погруженная в свои мечты, сидела возле шкафа и смотрела на Щелкунчика.

– Ах, милый господин Дроссельмейер, – вдруг невольно сорвалось с ее языка, – если б вы жили на самом деле, то поверьте, я не поступила бы с вами как принцесса Пирлипат, которая отвергла вас за то, что вы из-за меня потеряли вашу красоту!

– Ну-ну, глупые выдумки! – вдруг так громко крикнул крестный, что в ушах у Мари зазвенело, и она без памяти свалилась со стула.

Очнувшись, она увидела, что мама хлопочет около нее и

говорит:

– Ну можно ли так падать со стула? Ведь ты теперь большая девочка! Вставай скорей, к нам приехал племянник господина Дроссельмейера из Нюрнберга; будь же умницей и веди себя при нем хорошо.

Взглянув, Мари увидела, что крестный, одетый опять в свой желтый сюртук и с париком на голове, держал за руку очень милого молодого человека, небольшого роста и уже почти совсем взрослого, лицо которого сияло свежестью и здоровьем, – словом, кровь с молоком; на нем был надет красный, вышитый золотом кафтан, белые шелковые чулки и лакированные башмаки, а в петлице торчал прекрасный букет. Молодой человек был тщательно завит и напудрен, а на затылке его висела прекрасная коса; маленькая шпага блестела, как дорогая игрушка, а под мышкой держал он новую шелковую шляпу.

Хорошие и благовоспитанные манеры молодой человек доказал тем, что тотчас же подарил Мари множество хорошеньких вещиц, а между прочими – марципаны и точно такие же фигурки, какие перегрыз когда-то мышиный король. Фрицу же досталась прекрасная сабля. За столом молодой человек щелкал орехи для всех. Самые твердые не могли устоять против его зубов. Правой рукой клал он орехи в рот, левой дергал себя за косу, раздавалось – крак! – и орех рассыпался на кусочки.

Мари покраснела, как маков цвет, едва увидела милого

молодого человека, и покраснела еще больше, когда после обеда он учтиво попросил ее пройтись вместе с ним к стеклянному шкафу.

– Забавляйтесь, детки, забавляйтесь, – сказал крестный, – я ничего не имею против; теперь все мои часы в порядке.

Едва молодой Дроссельмейер остался с Мари один, как тотчас же встал перед ней на одно колено и сказал:

– О милая, дорогая фрейлейн Штальбаум! Примите благодарность молодого Дроссельмейера здесь, на том самом месте, где вы спасли ему жизнь. Вы сказали, что никогда не поступили бы со мною как злая принцесса Пирлипат, за которую я пострадал. Смотрите теперь, я перестал быть гадким уродливым Щелкунчиком и приобрел свою прежнюю, не лишенную приятности внешность! О милая фрейлейн! Осчастливьте меня вашей рукой! Разделите со мной венец мой и царство, в котором я теперь король, и будьте владетельницей Марципанового замка!

Мари заставила молодого человека встать и сказала тихо:

– Милый господин Дроссельмейер! Я знаю, что вы хороший, скромный молодой человек, и так как вы, кроме того, царствуете в прекрасной, населенной милым, веселым народом стране, то я охотно соглашаюсь быть вашей невестой!

Тут же было решено, что Мари выходит замуж за молодого Дроссельмейера.

Через год была свадьба, и молодой муж, как уверяют, увез Мари к себе на золотой карете, запряженной серебряными

лошадками. На свадьбе танцевали двадцать две тысячи прелестнейших, украшенных жемчугом и бриллиантами куколок, а Мари, как говорят, до сих пор царствует в прекрасной стране со сверкающими рощами, прозрачными марципановыми замками – словом, со всеми теми чудесами, которые может увидеть только тот, кто одарен зрением, способным видеть такие вещи.

Вот вам сказка про Щелкунчика и мышиного короля.

Ганс Христиан Андерсен

Девочка со спичками

Перевод Анны и Петра Ганзен

Морозило, шел снег, на улице становилось все темнее и темнее. Это было как раз в вечер под Новый год. В этот-то холод и тьму по улицам пробиралась бедная девочка с непокрытою головой и босая. Она, правда, вышла из дома в туфлях, но куда они годились! Огромные-преогромные! Последнею их носила мать девочки, и они слетели у малютки с ног, когда она перебегала через улицу, испугавшись двух мчавшихся мимо карет. Одной туфли она так и не нашла, другую же подхватил какой-то мальчишка и убежал с ней, говоря, что из нее выйдет отличная колыбель для его детей, когда они у него будут.

И вот девочка побрела дальше босая; ножонки ее совсем покраснели и посинели от холода. В стареньком передничке у нее лежало несколько пачек серных спичек; одну пачку она держала в руке. За целый день никто не купил у нее ни спички – она не выручила ни гроша. Голодная, иззябшая, шла она все дальше, дальше… Жалко было и взглянуть на бедняжку!

Снежные хлопья падали на ее прекрасные, вьющиеся белокурые волосы, но она и не думала об этой красоте. Во всех окнах светились огоньки, по улицам пахло жареными гусями: был канун Нового года – вот об этом она думала.

Наконец она уселась в уголке, за выступом одного дома, съежилась и поджала под себя ножки, чтобы хоть немножко согреться. Но нет, стало еще холоднее, а домой она вернуться не смела, ведь она не продала ни одной спички, не выручила ни гроша – отец прибьет ее! Да и не теплее у них дома! Только что крыша над головой, а ветер так и гуляет по всему жилью, несмотря на то что все щели и дыры тщательно заткнуты соломой и тряпками. Ручонки ее совсем окоченели. Ах! Одна крошечная спичка могла бы согреть ее! Если бы только она смела взять из пачки хоть одну, чиркнуть ею о стену и погреть пальчики! Наконец она вытащила одну. Чирк! Как она зашипела и загорелась! Пламя было такое теплое, ясное, и, когда девочка прикрыла его от ветра горсточкой, ей показалось, что перед нею горит свечка. Странная это была свечка: девочке чудилось, будто она сидит перед большою железною печкой с блестящими медными ножками и дверцами. Как славно пылал в ней огонь, как тепло стало малютке! Она вытянула было и ножки, но… огонь погас. Печка исчезла, в руках девочки остался лишь обгорелый конец спички.

Вот она чиркнула другою; спичка загорелась, пламя ее упало прямо на стену, и стена стала вдруг прозрачною, как

кисейная. Девочка увидела всю комнату, накрытый белоснежною скатертью и уставленный дорогим фарфором стол, а на нем жареного гуся, начиненного черносливом и яблоками. Что за запах шел от него! Лучше же всего было то, что гусь вдруг спрыгнул со стола и, как был с вилкою и ножом в спине, так и побежал вперевалку прямо к девочке. Тут спичка погасла, и перед девочкой опять стояла одна толстая холодная стена.

Она зажгла еще спичку и очутилась под великолепнейшею елкой, куда больше и наряднее, чем та, которую девочка видела в сочельник, заглянув в окошко дома одного богатого купца. Елка горела тысячами огоньков, а из зелени ветвей выглядывали на девочку пестрые картинки, какие она видывала раньше в окнах магазинов. Малютка протянула к елке обе ручонки, но спичка потухла, огоньки стали подниматься все выше и выше и превратились в ясные звездочки; одна из них вдруг покатилась по небу, оставляя за собою длинный огненный след.

– Вот кто-то умирает! – сказала малютка.

Покойная бабушка, единственное любившее ее существо в мире, говорила ей: «Падает звездочка – чья-нибудь душа идет к Богу».

Девочка чиркнула об стену новою спичкой; яркий свет озарил пространство, и перед малюткой стояла вся окруженная сиянием, такая ясная, блестящая и в то же время такая кроткая и ласковая, ее бабушка.

– Бабушка! – вскричала малютка. – Возьми меня с собой! Я знаю, что ты уйдешь, как только погаснет спичка, уйдешь, как теплая печка, чудесный жареный гусь и большая, славная елка!

И она поспешно чиркнула всем остатком спичек, которые были у нее в руках, – так ей хотелось удержать бабушку. И спички вспыхнули таким ярким пламенем, что стало светлее, чем днем. Никогда еще бабушка не была такою красивою, такою величественною! Она взяла девочку на руки, и они полетели вместе в сиянии и в блеске высоко-высоко, туда, где нет ни холода, ни голода, ни страха: к Богу!

В холодный утренний час в углу за домом по-прежнему сидела девочка с розовыми щечками и улыбкой на устах, но мертвая. Она замерзла в последний вечер старого года; новогоднее солнце осветило маленький труп. Девочка сидела со спичками; одна пачка почти совсем обгорела.

– Она хотела погреться, бедняжка! – говорили люди. Но никто и не знал, что она видела, в каком блеске вознеслась вместе с бабушкой к новогодним радостям на небо!

Чарльз Диккенс

Рождественская песнь в прозе

Перевод Николая Пушешникова

Строфа I. Дух Марли

Начнем с того, что Марли умер. В этом нет ни малейшего сомнения. Акт о его погребении был подписан пастором, причетником, гробовщиком и распорядителем похорон. Сам Скрудж подписал этот акт. А имя Скруджа служило ручательством на бирже за все, к чему бы он ни приложил руку…

Итак, старик Марли был мертв, как дверной гвоздь.

Заметьте – я не хочу сказать, будто я самолично убедился, что есть нечто особенно мертвое в дверном гвозде. Я-то склонен считать самой мертвой вещью из всех железных изделий скорее гробовой гвоздь. Но в сравнениях – мудрость отцов наших, и ради спокойствия отечества не подобает мне недостойными руками касаться их.

Позвольте же поэтому еще настойчивее повторить, что Марли был мертв именно как дверной гвоздь.

Знал ли Скрудж об этом? Разумеется, знал. Да и могло ли быть иначе? Скрудж и Марли были компаньонами в продолжение я не знаю скольких лет. Скрудж был его единственным душеприказчиком, единственным распорядителем, единственным преемником, единственным наследником, единственным другом, единственным поминальщиком, и однако Скрудж был вовсе не так ужасно поражен этим печальным событием, чтобы не остаться даже в самый день похорон истым дельцом и не ознаменовать его одной несомненно хорошей сделкой.

Но упоминание о похоронах Марли заставляет меня вернуться к тому, с чего я начал. Нет ни малейшего сомнения, что Марли умер. И этого никак нельзя забывать, иначе не будет ничего удивительного в истории, которую я намереваюсь рассказать. Ведь если бы мы не были твердо убеждены в том, что отец Гамлета умер до начала представления, то и его скитания по ночам, при восточном ветре, вдоль стен его же собственного замка были бы ничуть не замечательнее поступка любого господина средних лет, ночью вышедшего прогуляться куда-нибудь – ну, скажем, на кладбище св. Павла, – только затем, чтобы поразить своего слабоумного сына.

Скрудж не стер с вывески имя старика Марли: оно и после смерти его еще долго красовалось над дверью конторы: «Скрудж и Марли». Новички звали Скруджа иногда Скруджем, а иногда и Марли, и он отзывался и на то и на другое имя. О, это было совершенно безразлично для него – для

этого старого грешника и скряги, для этой жилы и паука, для этих завидущих глаз и загребущих рук! Твердый и острый, как кремень, из которого никакая сталь не выбивала никогда ни единой благородной искры, он был скрытен, сдержан и замкнут в самом себе, как устрица в своей раковине. Внутренний холод оледенил его поблекшие черты, заострил его нос, покрыл морщинами щеки, сделал походку мертвенной, глаза красными, тонкие губы синими и резко сказывался в его скрипучем голосе. Точно заиндевели его голова, его брови, его колючий подбородок. Он вносил с собою этот холод повсюду; холодом дышала его контора – и такой же была она и в рождественские дни.

Окружающее мало влияло на Скруджа. Не согревало его лето, не знобила зима. Никакой ветер не был так лют, никакой дождь не был так упорен, как он, никакой дождь не шел так упрямо, как шел Скрудж к своей цели, никакая адская погода не могла сломить его. Ливень, вьюга, град, крупа имели только одно преимущество перед ним. Они часто бывали щедры, Скрудж – никогда. Никогда и никто не останавливал его на улице радостным восклицанием: «Как поживаете, дорогой мой! Когда же вы заглянете ко мне?» Ни один нищий не осмеливался протянуть к нему руки, ни один ребенок не решался спросить у него который час, ни единая душа не осведомилась у него ни разу за всю его жизнь, как пройти на ту или другую улицу. Даже собаки слепцов, казалось, раскусили Скруджа и, завидя его, тащили своих хозяев под воро-

та и во дворы, виляли хвостами и как будто хотели сказать: «Лучше вовсе не иметь глаз, хозяин, чем иметь такие глаза».

Но какое дело было до этого Скруджу? Это-то ему и нравилось. Пробираться по тесной жизненной тропе, пренебрегая всяким человеческим чувством, – вот что, по словам людей знающих, было целью Скруджа.

Однажды – в один из лучших дней в году, в сочельник, – старый Скрудж работал в своей конторе. Стояла ледяная, туманная погода, и он слышал, как снаружи люди, отдуваясь, бегали взад и вперед, колотили себя руками и топали, стараясь согреться.

На городской башне только что пробило три часа, но было уже совсем темно: с самого утра стояли сумерки, и в окнах соседних контор красноватыми пятнами мерцали сквозь бурую мглу свечи. Туман проникал в каждую щель, в каждую замочную скважину и был так густ, что противоположные дома казались призраками, хотя двор был очень узок. Глядя на это грязное облако, опускавшееся все ниже и все омрачавшее, можно было подумать, что природа на глазах у всех затевает что-то страшное, огромное.

Дверь своей комнаты Скрудж не затворял, чтобы иметь возможность постоянно наблюдать за своим помощником, переписывавшим письма в маленькой, угрюмой и сырой каморке рядом. Невелик был огонек в камине Скруджа, а у писца он был и того меньше: подкинуть угля нельзя было – Скрудж держал угольный ящик в своей комнате. Как толь-

ко писец брался за лопатку, Скрудж останавливал его замечанием, что им, кажется, придется скоро расстаться. И писец закутал шею своим белым шарфом и попытался было согреться у свечки, в чем, однако, не имея пылкого воображения, потерпел неудачу.

– С праздником, дядя, с радостью! Дай вам Бог всех благ земных! – раздался чей-то веселый голос.

То крикнул племянник Скруджа, так внезапно бросившийся ему на шею, что Скрудж только тут заметил его появление.

– Гм!.. – отозвался Скрудж. – Вздор!

Племянник так разгорячился от быстрой ходьбы по морозу и туману, что его красивое лицо пылало, глаза искрились и от дыхания шел пар.

– Это Рождество-то вздор, дядя? – воскликнул он. – Вы, конечно, шутите?

– Нисколько, – сказал Скрудж. – С радостью! Какое ты имеешь право радоваться? Какое основание?

– Но тогда, – весело возразил племянник, – какое право имеете вы быть печальным? Какое основание имеете вы быть мрачным? Вы достаточно богаты.

Скрудж, не найдясь что ответить, повторил только: «Гм!.. Вздор!»

– Не сердитесь, дядя! – сказал племянник.

– Как же мне не сердиться, – отозвался дядя, – когда я живу среди таких дураков, как ты? С радостью, с Рождеством!

Отстань ты от меня со своим Рождеством! Что такое для тебя Рождество, как не время расплаты по счетам при совершенно пустом кармане, как не день, когда ты вдруг вспоминаешь, что постарел еще на год и не сделался богаче ни на йоту, как не срок подвести балансы и найти во всех графах, за все двенадцать месяцев дефицит? Будь моя воля, – продолжал Скрудж с негодованием, – я бы каждого идиота, бегающего с подобными поздравлениями, сварил бы вместе с его рождественским пудингом и воткнул бы в его могилу остролистовый кол! Непременно бы так и сделал!

– Дядя! – возразил племянник.

– Племянник! – перебил его Скрудж строго. – Справляй Рождество по-своему, а мне позволь справлять его как мне хочется.

– Справлять! – воскликнул племянник. – Но ведь вы его совсем не справляете!

– Ну так и позволь мне совсем не справлять его, – сказал Скрудж. – А ты справляй себе на здоровье! Много пользы извлек ты из этих празднований!

– Мог бы извлечь, – отозвался племянник, – но смею сказать, что я никогда не стремился к этому. Я только всегда был убежден, всегда думал, что Рождество, помимо священных воспоминаний, если только можно отделить от него эти воспоминания, – есть время хорошее – время добра, всепрощения, милосердия, радости, единственное время во всем году, когда кажется, что широко раскрыто каждое сердце, когда

считают каждого, даже стоящего ниже себя, равноправным спутником по дороге к могиле, а не существом иной породы, которому подобает идти другим путем. И поэтому, дядя, я верю, что Рождество, которое не принесло мне еще ни полушки, все-таки принесло и будет приносить много пользы, и говорю: да благословит его Бог!

Писец в своей сырой каморке не выдержал и зааплодировал, но спохватился и стал мешать уголья в камине, причем погасил в нем и последнюю слабую искру.

– Еще один звук, – сказал Скрудж, – и вы отпразднуете ваше Рождество потеряв место. Вы выдающийся оратор, сэр, – прибавил он, обращаясь к племяннику. – Удивляюсь, почему вы не в парламенте.

– Не гневайтесь, дядя! Слушайте, приходите к нам завтра обедать.

Скрудж, в ответ на это, послал его к черту.

– Да что с вами? – воскликнул племянник. – За что вы сердитесь на меня?

– Зачем ты женился? – сказал Скрудж.

– Потому что влюбился.

– Потому что влюбился! – проворчал Скрудж таким тоном, точно это было еще более нелепо, чем поздравление с праздником. – До свиданья!

– Дядя, но вы ведь и до моей женитьбы никогда не заглядывали ко мне. Почему же вы ссылаетесь на это теперь?

– До свиданья! – сказал Скрудж.

– Но ведь мне ничего не надо от вас, я ничего у вас не прошу, – почему же мы не можем быть друзьями?

– До свиданья! – повторил Скрудж.

– Мне от всей души жаль, что вы так упрямы. Между нами никогда не было никакой ссоры, виновником которой являлся бы я. Ради праздника я и теперь протянул вам руку и сохраню праздничное настроение до конца. С праздником, дядя, с праздником!

– До свиданья! – сказал Скрудж.

– И со счастливым Новым годом!

– До свиданья! – сказал Скрудж.

Однако племянник вышел из конторы, так и не сказав ему ни единого неприятного слова. В дверях он остановился, чтобы поздравить и писца, который, хоть и окоченел, был все-таки теплее Скруджа и сердечно отозвался на приветствие.

– Вот еще такой же умник, – проговорил Скрудж, услыша это, – господин с жалованьем в пятнадцать шиллингов в неделю, с супругой, детками, радующийся праздникам! Я, кажется, переселюсь в Бедлам!

А писец, затворяя дверь за племянником Скруджа, впустил еще двух господ. Это были почтенные, прилично одетые люди, которые, сняв шляпы, вошли в контору с книгами и бумагами и вежливо поклонились.

– Скрудж и Марли, не правда ли? – сказал один из них, справляясь со списком. – Я имею честь говорить с г. Скруд-

жем или г. Марли?

– Г. Марли умер ровно семь лет тому назад, – возразил Скрудж. – Нынче как раз годовщина его смерти.

– Мы не сомневаемся, что его щедрость целиком перешла к пережившему его компаньону, – сказал господин, протягивая Скруджу подписной лист. И сказал совершеннейшую правду, ибо Скрудж и Марли стоили друг друга. При зловещем слове «щедрость» Скрудж нахмурился, покачал головой и подал лист обратно. – В эти праздничные дни, – сказал господин, взяв перо в руки, – еще более чем всегда подобает нам заботиться о бедных и сирых, участь коих заслуживает теперь особенного сострадания. Тысячи людей терпят нужду в самом необходимом. Сотни тысяч лишены самых простых удобств.

– Разве нет тюрем? – спросил Скрудж.

– Их чересчур много, – сказал господин, снова кладя перо на стол.

– А работных домов? – продолжал Скрудж. – Разве они уже закрыты?

– Нет, – отозвался господин, – но об этом можно только сожалеть.

– Разве приюты и законы о призрении бедных бездействуют? – спросил Скрудж.

– Напротив, у них очень много работы.

– О! А я было испугался, заключив из ваших первых слов, что они почему-нибудь приостановили свою общеполезную

деятельность. Очень рад слышать противное.

– Убеждение в том, что эти учреждения не оправдывают своего назначения и не дают должной пищи ни душе, ни телу народа, побудило нас собрать по подписке сумму, необходимую для приобретения бедным пищи, питья и топлива. Время праздников наиболее подходит для этой цели, ибо теперь бедняки особенно резко чувствуют свою нужду, люди же состоятельные менее скупятся. Сколько прикажете записать от вашего имени?

– Ничего не надо писать, – ответил Скрудж.

– Вы желаете остаться неизвестным?

– Я желаю, чтобы оставили меня в покое, – сказал Скрудж. – Вот и все. Со своей стороны я содействую процветанию тех учреждений, о которых только что упоминал: они обходятся мне недешево; а посему пусть нуждающиеся отправляются туда.

– Многие из них охотнее умрут…

– И отлично сделают – по крайней мере этим они уменьшат избыток народонаселения. Впрочем, извините меня, я тут ни при чем.

– Но могли бы быть причем.

– Не мое это дело, – возразил Скрудж. – Для каждого вполне достаточно исполнять свои собственные дела и не вмешиваться в чужие. Я же и так неустанно забочусь о своих. До свиданья, господа.

Убедившись, что настаивать бесполезно, посетители уда-

лились.

Довольный собою и в необычно шутливом настроении, Скрудж снова принялся за работу.

Между тем мрак и туман сделались так густы, что появились факельщики, предлагавшие освещать дорогу проезжавшим экипажам. Старинная церковная башня, с готической амбразуры которой всегда косился на Скруджа мрачный викинг, сделалась невидимой; колокол вызванивал теперь часы и четверти где-то в облаках, и каждый удар его сопровождался дребезжанием, точно там, в вышине, стучали в чьей-то окоченевшей от холода голове зубы. Становилось все холоднее. Против конторы Скруджа рабочие чинили газовые трубы, разведя большой огонь, и около него столпилась кучка оборванцев и мальчишек: они с наслаждением грели руки и мигали глазами перед пламенем. Водопроводный кран, который забыли запереть, изливал воду, превращавшуюся в лед. Свет из магазинов, в которых ветви и ягоды остролиста потрескивали от жары оконных ламп, озарял багрянцем лица проходящих. Лавки с битой птицей и овощами совершенно преобразились, представляя дивное зрелище, и трудно было поверить, что со всем этим великолепием связывалось такое скучное слово, как торговля.

Лорд-мэр в своем дворце отдавал приказания пятидесяти поварам и дворецким отпраздновать Рождество сообразно его сану. И даже маленький портной, которого он оштрафовал в прошлый понедельник на пять шиллингов за пьянство

и буйство на улице, мастерил у себя на чердаке пудинг, в то время как его тщедушная жена, захватив с собой ребенка, пошла в мясную лавку.

Туман густел, холод становился все более пронизывающим, колючим, нестерпимым. Если бы добрый святой Дунстан не своим обычным орудием, а этим холодом хватил бы по носу дьявола, тот, наверное, взвыл бы как следует. Некий юный обладатель крохотного носика, до которого лютый мороз добрался, как собака до кости, прильнул к замочной скважине Скруджа с намерением пропеть рождественскую песнь. Но при первых же звуках:

Пусть вас Бог благословит,

Пусть ничто вас не печалит, —

Скрудж с такой энергией схватил линейку, что певец в ужасе бросился бежать, предоставляя замочную скважину туману и морозу, столь близкому душе Скруджа.

Наконец наступил час запирать контору. С неохотой слез Скрудж со своего кресла, подавая тем знак давно ожидавшему этой минуты писцу, что занятия окончены, и тот мгновенно потушил свечу и надел шляпу.

– Вы, вероятно, хотите освободиться от занятий на весь завтрашний день? – сказал Скрудж.

– Если это удобно, сэр.

– Это не только неудобно, это еще и несправедливо, – сказал Скрудж. – Ведь, если бы я вычел в этот день полкроны,

я убежден, что вы сочли бы себя обиженным.

Писец слабо улыбнулся.

– И однако, – сказал Скрудж, – вы и не думаете, что я могу быть обсчитан, платя вам даром жалованье.

Писец заметил, что это бывает только раз в году.

– Слабое оправдание, чтобы тащить из моего кармана каждое двадцать пятое декабря, – сказал Скрудж, застегивая пальто вплоть до подбородка. – Но так и быть, весь завтрашний день в вашем распоряжении. Послезавтра утром приходите пораньше.

Писец пообещал, и Скрудж, ворча, вышел. Писец в одну минуту запер контору и, размахивая длиннейшими концами своего шарфа (пальто у него совсем не было), прокатился в честь сочельника раз двадцать по льду в Коригилле, вслед за шеренгой мальчишек, и во весь дух пустился домой.

Скрудж съел свой скучный обед в своем скучном трактире и, перечитав все газеты, скоротав остаток вечера за счетоводной книгой, отправился домой спать. Он жил там же, где когда-то жил его покойный компаньон. То была анфилада комнат в мрачном и громадном здании на заднем дворе, которое наводило на мысль, что оно попало сюда еще в дни своей молодости, играя в прятки с другими домами, да так и осталось, не найдя выхода.

Здание было старое и угрюмое. Никто, кроме Скруджа, не жил в нем, ибо все другие комнаты отдавались внаем под конторы. Двор был так темен, что даже Скрудж, отлично

знавший каждый его камень, с трудом, ощупью, пробирался по нему. В морозном тумане, окутывавшем старинные черные ворота, чудился сам Гений Зимы, стороживший их в печальном раздумье.

Поистине, в молотке, висевшем у двери, не было ничего странного, разве только то, что он отличался большими размерами. Сам Скрудж видел его ежедневно утром и вечером, все время своего пребывания здесь. Притом же Скрудж, как и все обитатели лондонского Сити, не исключая и старшин, и членов городского совета и цехов – да простится мне великая дерзость! – не обладал ни малейшим воображением.

Не надо также забывать и того, что до сегодняшнего дня, когда Скрудж упомянул имя Марли, он ни разу не вспомнил своего усопшего друга.

А поэтому пусть, кто может, объяснит мне теперь, как произошло то, что, вкладывая ключ в замок, Скрудж увидел в молотке, хотя последний не подвергся ровно никакой перемене, лицо Марли.

Лицо Марли! Оно не было окутано темнотой подобно другим предметам на дворе, но, окруженное зловещим сиянием, напоминало испорченного морского рака в темном погребе. Лицо не было сурово или искажено гневом, но было именно такое, как при жизни Марли, даже с его очками, приподнятыми на лоб. Волосы странно шевелились, точно от дуновения горячего воздуха, широко раскрытые и неподвижные глаза, свинцовый цвет лица, – все это делало его ужасным;

но главный ужас все-таки скрывался не в самом лице или выражении его, а в чем-то постороннем, непостижимом.

Видение тотчас же снова становилось молотком, как только Скрудж пристально вглядывался в него.

Было бы неправдой сказать, что Скрудж не испугался и не ощутил волнения, забытого им с самых детских лет. Однако после некоторого колебания он решительно взялся за ключ, крепко повернув его, и, войдя в комнату, тотчас зажег свечу.

Помедлив в нерешительности несколько мгновений, прежде чем запереть дверь, он осторожно оглянулся, точно боясь увидеть за дверью косичку Марли. Но за дверью не было ничего, кроме винтов и гаек молотка. И, издав неопределенный звук, Скрудж крепко захлопнул дверь.

Стук, подобно грому, раскатился по всему дому. Каждая комната в верхнем этаже дома и каждая бочка в винном погребе отвечали ему. Заперев дверь, Скрудж медленно прошел через сени вверх по лестнице, на ходу поправляя свечу.

По этой лестнице можно было бы провести погребальную колесницу, поставив ее поперек, дышлом к стене, а дверцами к перилам, причем осталось бы еще свободное пространство. Может быть, это и заставило Скруджа вообразить, что он видит во мраке погребальную колесницу, которая двигается сама собою. Полдюжины газовых фонарей с улицы слабо освещали сени, и, следовательно, при свете сальной свечи Скруджа в них было довольно темно.

Скрудж шел вверх, мало беспокоясь об этом. Темнота сто-

ит дешево, а это Скрудж очень ценил. Однако, прежде чем запереть за собой тяжелую дверь, он под влиянием воспоминания о лице Марли прошелся по комнатам – посмотреть, все ли в исправности.

В гостиной, спальне, чулане все было как следует: никого не было ни под столом, ни под диваном, маленький огонек тлел за решеткой камина. Вот ложка, кастрюлька с овсянкой в устье камина – и никого ни под постелью, ни в стенном шкапу, ни в шлафроке, как-то подозрительно висевшем на стене. Все как всегда: чулан, каминная решетка, старые башмаки, две корзины для рыбы, умывальник на трех ножках, кочерга. Успокоившись, Скрудж запер дверь, повернув ключ два раза, чего прежде никогда не делал.

Предохранив себя таким образом от нападения, Скрудж снял галстук, надел шлафрок, туфли и ночной колпак и сел перед огнем, чтобы поесть овсянки.

Для такой лютой ночи этот огонек был чересчур мал. Скрудж должен был сесть очень близко к нему и нагнуться, чтобы от этой горсточки углей почувствовать едва уловимое дыхание теплоты.

Старинный камин, сложенный, вероятно, давным-давно голландским купцом, был обложен голландскими кафелями, украшенными рисунками из Святого Писания. Тут были Каин и Авель, дочери фараона, царица Савская, вестники-ангелы, парящие в воздухе на облаках, похожих на перины, Авраам, Валтасар и апостолы, отправляющиеся в плавание на

лодках, напоминающих соусники, и сотни других забавных фигур. И однако лицо Марли, умершего семь лет тому назад, поглощало все. Если бы каждый чистый кафель мог запечатлеть на своей поверхности образ, составленный из разрозненных представлений Скруджа, то на каждом таком кафеле появилось бы изображение головы старика Марли.

– Вздор все это! – сказал Скрудж и, пройдясь по комнате взад и вперед, снова сел. Откинув голову на спинку стула, он случайно взглянул на старый, остававшийся без употребления колокольчик, предназначенный неизвестно для какой цели и проведенный в комнату в верхнем этаже дома. Смотря на него, Скрудж с безграничным удивлением и необъяснимым ужасом заметил, что колокольчик начал качаться. Сначала он качался так тихо, что звука почти не было, но потом зазвонил громче, и тотчас же к нему присоединились все колокольчики в доме.

Быть может, звон длился и не более минуты, но Скруджу эта минута показалась часом. Колокольчики замолкли все сразу, а вслед за ними откуда-то из глубины послышался шум, подобный лязгу тяжелой цепи, которую тащили по бочкам в винном погребе. Скрудж тотчас же припомнил те рассказы, в которых говорилось, что в тех домах, где водится нечистая сила, появлению духов сопутствует лязг влекомых цепей.

Дверь погреба распахнулась с глухим шумом настежь, и Скрудж услышал, как подземный шум, усиливаясь, подни-

мался вверх по лестнице, прямо по направлению к его двери.

– Все это вздор! – сказал Скрудж. – Я не верю в эту чертовщину.

Однако он даже изменился в лице, когда дух, пройдя сквозь тяжелую дверь, очутился в комнате перед его глазами.

При его появлении едва тлевший огонек подпрыгнул, как будто хотел воскликнуть: «Я знаю его! Это дух Марли!» И точно – это было его лицо, сам Марли со своей косичкой, в своем обычном жилете, узких брюках и сапогах с торчащими кисточками, которые шевелились так же, как его косичка, полы сюртука и волосы на голове. Цепь, которую он влачил за собою, опоясывала его. Она была длинна и извивалась как хвост. Скрудж хорошо заметил, что она была сделана из денежных ящиков, ключей, висячих замков, счетных книг, разных документов и тяжелых стальных кошельков. Тело призрака было прозрачно, и Скрудж, зорко приглядясь к нему, мог видеть сквозь жилет две пуговицы сзади на сюртуке.

Скрудж часто слышал, как говорили, что у Марли нет ничего внутри, но доныне он не верил этому. Не поверил даже и теперь, хотя дух был прозрачен и стоял перед ним. Что-то леденящее, чувствовал он, исходило от его мертвых глаз. Однако он хорошо заметил то, чего не замечал раньше, – ткань платка в складках, окутывавшего его голову и подбородок. Но, все еще не доверяя своим чувствам, он пытался бороться с ними.

– Что вам от меня нужно? – сказал Скрудж едко и холодно

как всегда. – Чего вы хотите?

– Многого! – ответил голос, голос самого Марли.

– Кто вы?

– Спросите лучше: кто я был?

– Кто вы были? – сказал Скрудж громче. – Для духа вы слишком требовательны. (Скрудж хотел было употребить выражение «придирчивы», как более подходящее.)

– При жизни я был вашим компаньоном, Яковом Марли.

– Но, может быть, вы сядете? – спросил Скрудж, во все глаза глядя на него.

– Могу и сесть.

– Пожалуйста.

Скрудж сказал это, чтобы узнать, будет ли в состоянии призрак сесть; он чувствовал, что в противном случае предстояло бы трудное объяснение.

Но дух сел с другой стороны камина с таким видом, как будто делал это постоянно.

– Вы не верите в меня? – спросил дух.

– Не верю, – сказал Скрудж.

– Какого же иного доказательства, помимо ваших чувств, вы хотите, чтобы убедиться в моем существовании?

– Не знаю, – сказал Скрудж.

– Почему же вы сомневаетесь в своих чувствах?

– Потому, – сказал Скрудж, – что всякий пустяк действует на них. Маленькое расстройство желудка – и они уже обманывают. Может быть, и вы – просто недоваренный кусок

мяса, немножко горчицы, ломтик сыра, гнилая картофелина. Дело-то, может быть, скорее сводится к какому-нибудь соусу, чем к могиле.

Скрудж совсем не любил шуток, и в данный момент ему нисколько не было весело, но он шутил для того, чтобы таким путем отвлечь свое внимание и подавить страх, ибо даже самый голос духа заставлял его дрожать до мозга костей. Для него было невыразимой мукой просидеть молча хотя бы одно мгновение, смотря в эти стеклянные, неподвижные глаза.

Но всего ужаснее была адская атмосфера, окружавшая призрак. Хотя Скрудж и не чувствовал ее, но ему было видно, как у духа, сидевшего совершенно неподвижно, колебались, точно под дуновением горячего пара из печки, волосы, полы сюртука, косичка.

– Видите ли вы эту зубочистку, – сказал Скрудж, быстро возвращаясь к нападению, побуждаемый теми же чувствами и желая хоть на мгновение отвратить от себя взгляд призрака.

– Да, – ответил призрак.

– Но вы однако же не смотрите на нее, – сказал Скрудж.

– Да, не смотрю, но вижу.

– Отлично, – сказал Скрудж. – Так вот, стоит мне проглотить ее, и всю жизнь меня будет преследовать легион демонов – плод моего воображения. Вздор! Повторяю, что все это вздор!

При этих словах дух испустил такой страшный вопль и

потряс цепью с таким заунывным звоном, что Скрудж едва удержался на стуле и чуть не упал в обморок. Но ужас его еще более усилился, когда дух снял со своей головы и подбородка повязку, точно в комнатах было слишком жарко, и его нижняя челюсть отвалилась на грудь.

Закрыв лицо руками, Скрудж упал на колени:

– Пощади меня, страшный призрак! Зачем ты тревожишь меня?

– Раб суеты земной, человек, – воскликнул дух, – веришь ли ты в меня?

– Верю, – сказал Скрудж. – Я должен верить. Но зачем духи блуждают по земле? Зачем они являются мне?

– Так должно быть, – возразил призрак, – дух, живущий в каждом человеке, если этот дух был скрыт при жизни, осужден скитаться после смерти среди своих близких и друзей и – увы! – созерцать то невозвратно потерянное, что могло дать ему счастье.

И тут призрак снова испустил вопль и потряс цепью, ломая свои бестелесные руки.

– Вы в цепях, – сказал Скрудж, дрожа. – Скажите, почему?

– Я ношу цепь, которую сковал при жизни, – ответил дух. – Я ковал ее звено за звеном, ярд за ярдом. Я ношу ее не по своему доброму желанию. Неужели ее устройство удивляет тебя?

Скрудж дрожал все сильнее и сильнее.

– Разве ты не желал бы знать длину и тяжесть цепи, кото-

рую ты носишь, – продолжал дух. – Она была длинна и тяжела семь лет тому назад, но с тех пор сделалась значительно длиннее. Она очень тяжела.

Скрудж посмотрел вокруг себя, нет ли и на нем железного каната в пятьдесят или шестьдесят сажен, но ничего не увидел.

– Яков, – воскликнул он. – Старый Яков Марли! Скажи мне что-нибудь в утешение, Яков!

– Это не в моей власти, – ответил дух. – Утешение дается не таким людям, как ты, и исходит от вестников иной страны, Эбензар Скрудж! Я же не могу сказать и того, что хотел бы сказать. Мне позволено очень немногое. Я не могу отдыхать, медлить, оставаться на одном и том же месте. Заметь, что во время моей земной жизни я даже мысленно не переступал границы нашей меняльной норы, оставаясь безучастным ко всему, что было вне ее. Теперь же передо мной лежит утомительный путь.

Всякий раз, как Скрудж задумывался, он имел обыкновение закладывать руки в карманы брюк. Обдумывая то, что сказал дух, он сделал это и теперь, но не встал с колен и не поднял глаз.

– Ты, должно быть, не очень торопился, – заметил Скрудж тоном делового человека, но покорно и почтительно.

– Да, – сказал дух.

– Ты умер семь лет тому назад, – задумчиво сказал Скрудж. – И все время странствуешь?

– Да, – сказал дух, – странствую, не зная отдыха и покоя, в вечных терзаниях совести.

– Но быстро ли совершаешь ты свои перелеты? – спросил Скрудж.

– На крыльях ветра, – ответил дух.

– В семь лет ты мог облететь бездны пространства, – сказал Скрудж.

Услышав это, дух снова испустил вопль и так страшно зазвенел цепью в мертвом молчании ночи, что полицейский имел бы полное право обвинить его в нарушении тишины и общественного спокойствия.

– О пленник, закованный в двойные цепи, – воскликнул призрак, – и ты не знал, что потребны целые годы непрестанного труда существ, одаренных бессмертной душой, для того чтобы на земле восторжествовало добро. Ты не знал, что для христианской души на ее тесной земной стезе жизнь слишком коротка, чтобы сделать все добро, которое возможно? Не знал, что никакое раскаяние, как бы продолжительно оно ни было, не может вознаградить за прошедшее, не может загладить вины того, кто при жизни упустил столько благоприятных случаев, чтобы творить благо? Однако я был таким, именно таким.

– Но ты всегда был отличным дельцом, – сказал Скрудж, начиная применять слова духа к самому себе.

– Дельцом! – воскликнул дух, снова ломая руки. – Счастье человеческое должно было быть моей деятельностью,

любовь к ближним, милосердие, кротость и доброжелательство – на это, только на это должна была бы быть направлена она. Дела должны были бы быть только каплей в необъятном океане моих обязанностей.

И он вытянул цепь во всю длину распростертых рук, точно она была причиной его теперь уже бесполезной скорби, и снова тяжко уронил ее.

– Теперь, на исходе года, – продолжал он, – мои мучения стали еще горше. О, зачем я ходил в толпе подобных мне с опущенными глазами и не обратил их к благословенной звезде, приведшей волхвов к вертепу нищих! Разве не было вертепов нищих, к которым ее свет мог привести и меня!

Пораженный Скрудж, слушая это, задрожал всем телом.

– Слушай, слушай меня, – вскричал дух, – срок мой краток.

– Я слушаю, – сказал Скрудж, – но прошу тебя, Яков, не будь так жесток ко мне и говори проще.

– Как случилось, что я являюсь перед тобой в таком образе, я не знаю. Я ничего не могу сказать тебе об этом. Много, много дней я пребывал невидимым возле тебя.

Эта новость была не весьма приятна Скруджу… Он отер пот со лба.

– Наказание мое было еще тяжелее от этого, – продолжал дух. – Сегодня ночью я здесь затем, чтобы предупредить тебя, что ты, Эбензар, имеешь еще возможность при моей помощи избежать моей участи.

– Благодарю тебя. Ты всегда был моим лучшим другом.

– К тебе явятся три духа, – сказал призрак.

Лицо Скруджа вытянулось почти так же, как у духа.

– Это и есть та возможность, о которой ты говоришь, Яков? – спросил Скрудж прерывающимся голосом.

– Да.

– По-моему, – сказал Скрудж, – лучше, если бы не было совсем этой возможности!

– Без посещения духов ты не можешь избежать того пути, по которому шел я. Жди первого духа завтра, как только ударит колокол.

– Не могут ли они прийти все сразу? – попробовал было вывернуться Скрудж.

– Второго духа ожидай в следующую ночь в этот же самый час. В третью ночь тебя посетит третий дух, когда замолкнет колокол, отбивающий полночь. Не смотри так на меня и запомни наше свидание. Ради твоего собственного спасения, ты более не увидишь меня.

Произнеся эти слова, дух снова взял со стола платок и повязал его вокруг головы. По стуку зубов Скрудж понял, что челюсти его снова сомкнулись. Он решился поднять глаза и увидел, что неземной гость стоит перед ним лицом к лицу: цепь обвивала его стан и руки.

Призрак стал медленно пятиться назад, к окну, которое при каждом его шаге понемногу растворялось, а когда призрак достиг окна, оно широко распахнулось. Призрак сделал

знак, чтобы Скрудж приблизился, – и Скрудж повиновался.

Когда между ними осталось не более двух шагов, дух Марли поднял руку, запретив ему подходить ближе. Побуждаемый скорее страхом и удивлением, чем послушанием, Скрудж остановился, и в ту же минуту, как только призрак поднял руку, в воздухе пронесся смутный шум – бессвязный ропот, плач, стоны раскаяния, невыразимо скорбный вопль. Послушав их мгновение, призрак присоединил свой голос к этому похоронному пению и стал постепенно растворяться в холодном мраке ночи.

Скрудж последовал за ним к окну: так непобедимо было любопытство. И выглянул из окна.

Все воздушное пространство наполнилось призраками, тревожно метавшимися во все стороны и стенающими. На каждом призраке была такая же цепь, как и на духе Марли. Ни одного не было без цепи, а некоторые – быть может, преступные члены правительства, – были скованы вместе. Многих из них Скрудж знал при жизни. Например, он отлично знал старого духа в белом жилете, тащившего за собой чудовищный железный ящик, привязанный к щиколке. Призрак жалобно кричал, не будучи в состоянии помочь несчастной женщине с младенцем, сидевшим внизу, на пороге двери. Было ясно, что самые ужасные муки призраков заключались в том, что они не были в силах сделать то добро, которое хотели бы сделать.

Туман ли окутал призраков или они растаяли в тумане,

Скрудж не мог бы сказать уверенно. Но вот голоса их смолкли, все сразу, и ночь опять стала такою же, какой была при возвращении Скруджа домой.

Скрудж запер окно и осмотрел дверь, через которую вошел дух. Она была заперта на двойной замок, повешенный им же самим, задвижка осталась нетронутой. Он попытался было сказать «вздор», но остановился на первом же слоге, и, от волнений ли, которые он испытал, от усталости ли, оттого ли что заглянул в неведомый мир, или же вследствие разговора с духом, позднего часа, потребности в отдыхе, но он тотчас же подошел к кровати и мгновенно, даже не раздеваясь, заснул.

Строфа II. Первый дух

Когда Скрудж проснулся, было так темно, что, выглянув из алькова, он едва мог отличить прозрачное пятно окна от темных окон своей комнаты. Он зорко всматривался в темноту своими острыми, как у хорька, глазами и слушал, как колокола на соседней церкви отбивали часы.

К его великому изумлению, тяжелый колокол ударил шесть раз, потом семь, восемь и так до двенадцати; затем все смолкло. Двенадцать! А когда он ложился, был ведь третий час. Очевидно, часы шли неправильно. Должно быть, ледяная сосулька попала в механизм. Двенадцать! Он дотронулся до пружины своих часов с репетицией, чтобы проверить те

нелепые часы. Маленький быстрый пульс его часов пробил двенадцать и остановился.

– Как! Этого не может быть! – сказал Скрудж. – Не может быть, чтобы я проспал весь день да еще и порядочную часть следующей ночи! Нельзя же допустить, чтобы что-нибудь произошло с солнцем и чтобы сейчас был полдень!

С этой тревожной мыслью он слез с кровати и ощупью добрался до окна. Чтобы увидеть что-нибудь, он был принужден рукавом своего халата протереть обмерзшее стекло. Но и тут он увидел немного! Он убедился только в том, что было очень тихо, туманно и чрезвычайно холодно. На улицах не было обычной суеты, бегущих пешеходов, что всегда бывало, когда день побеждал ночь и овладевал миром.

Скрудж снова лег в постель, предаваясь размышлениям о случившемся, но не мог прийти ни к какому определенному решению. Чем более он думал, тем более запутывался и, чем более старался не думать, тем более думал.

Дух Марли окончательно сбил его с толку. Как только после зрелого размышления он решал, что все это был сон, его мысль, подобно отпущенной упругой пружине, отлетала назад к первому положению, и снова предстояло решить: был ли это сон или нет?

В таком состоянии Скрудж лежал до тех пор, пока колокола не пробили еще три четверти и он вдруг не вспомнил, что, согласно предсказанию Марли, первый дух должен явиться, когда колокол пробьет час. Он решил не спать и дождаться

часа. Такое решение было, конечно, самое благоразумное, так как заснуть для него было теперь так же невозможно, как подняться на небо.

Время шло так медленно, что Скрудж подумал, что, задремав, он пропустил бой часов. Наконец, до его насторожившегося слуха донеслось:

– Динь-дон!

– Четверть, – сказал Скрудж, начиная считать.

– Динь-дон!

– Половина, – сказал Скрудж.

– Динь-дон!

– Три четверти, – сказал Скрудж.

– Динь-дон!

– Вот и час, – сказал Скрудж, – и ничего нет.

Он произнес эти слова прежде, чем колокол пробил час, – пробил как-то глухо, пусто и заунывно. В ту же минуту комната озарилась светом, и точно чья-то рука раздвинула занавески его постели в разные стороны, и именно те занавески, к которым было обращено его лицо, а не занавески в ногах или сзади. Как только они распахнулись, Скрудж приподнялся немного и в таком положении встретился с неземным гостем, который, открывая их, находился так близко к нему, как я в эту минуту мысленно нахожусь возле вас, читатель.

Это было странное существо, похожее на ребенка и вместе с тем на старика, ибо было видимо сквозь какую-то сверхъестественную среду, удалявшую и уменьшавшую его. Его во-

лосы падали на плечи, были седы, как у старца, но на нежном лице его не было ни единой морщины. Руки его были очень длинны, мускулисты, и в них чувствовалась гигантская сила. Ноги и ступни имели изящную форму и были голы, как руки. Он был облечен в тунику ослепительной белизны; а его стан был опоясан перевязью, сиявшей дивным блеском. В его руке была ветвь свежезеленого остролистника – эмблема зимы, – одежда же была украшена летними цветами. Но всего удивительнее было то, что от венца на его голове лились потоки света, ярко озарявшие все вокруг, и, очевидно, для этого-то света предназначался большой колпак-гасильник, который дух держал под мышкой, чтобы употреблять его, когда хотел сделаться невидимым. Когда же Скрудж стал пристальнее присматриваться к призраку, то заметил еще более странные особенности его. Пояс призрака искрился и блестел то в одной части, то в другой, и то, что сейчас было ярко освещено, через мгновение становилось темным, и вся фигура призрака ежесекундно менялась: то он имел одну руку, то одну ногу, то был с двадцатью ногами, то с двумя ногами без головы, то была голова, но без туловища: то та, то другая часть его бесследно исчезала в густом мраке. Но еще удивительнее было то, что порою вся фигура призрака становилась ясной и отчетливой.

– Вы тот дух, появление которого было мне предсказано? – спросил Скрудж.

– Да.

Голос у духа был мягкий, нежный и такой тихий, что, казалось, доносился издалека, хотя дух находился возле самого Скруджа.

– Кто вы? – спросил Скрудж.

– Я дух минувшего Рождества.

– Давно минувшего? – спросил Скрудж, рассматривая его.

– Нет, твоего последнего.

Может быть, Скрудж и сам не знал, почему у него явилось странное желание видеть духа в колпаке-гасильнике, но он все-таки попросил духа надеть колпак.

– Как! – воскликнул дух. – Ты уже так скоро пожелал своими бренными руками погасить тот свет, который я распространяю? Тебе мало, что ты один из тех рабов страстей, ради которых я принужден долгие годы носить этот колпак, низко надвинув его на лоб?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.